

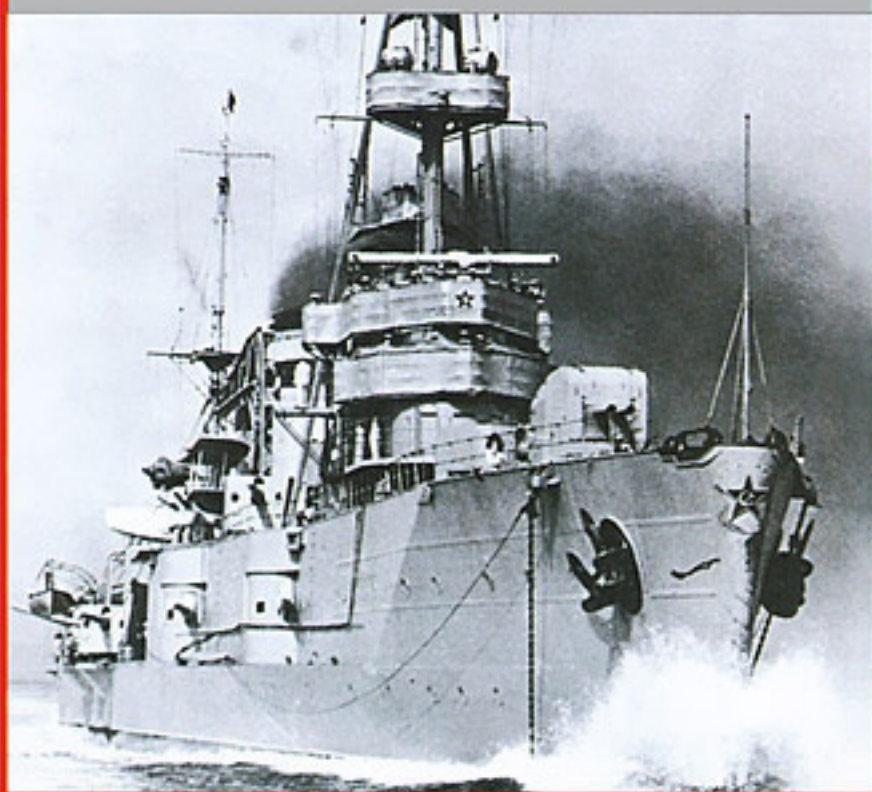
НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И БИОГРАФИИ

Николай Скрицкий

ФЛАГМАНЫ ПОБЕДЫ

**КОМАНДУЮЩИЕ ФЛОТАМИ И ФЛОТИЛИЯМИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Николай Скрицкий

**Флагманы Победы.
Командующие флотами и
флотилиями в годы Великой
Отечественной войны 1941–1945**

«Центрполиграф»

2012

Скрицкий Н. В.

Флагманы Победы. Командующие флотами и флотилиями в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / Н. В. Скрицкий — «Центрполиграф», 2012 — (На линии фронта. Правда о войне)

Николай Владимирович Скрицкий, известный своими работами об отечественных флотоводцах, представляет вниманию читателей сборник биографических очерков о советских командующих флотами и флотилиями в годы Великой Отечественной войны. Для удобства понимания хода войны автор начал книгу с биографии наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова, связанного со всеми основными военными событиями. При создании книги использована обширная литература по военно-морской истории и предоставленные архивами материалы, чтобы воссоздать биографии как знаменитых людей, так и тех, чьи жизнеописания почти не освещены в литературе.

© Скрицкий Н. В., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Введение	5
КУЗНЕЦОВ НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Владимирович Скрицкий Флагманы Победы. Командующие флотами и флотилиями в годы Великой Отечественной войны 1941–1945

Введение

Уже несколько лет назад страна отметила 65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, а биографии многих людей, сыгравших значительную роль в достижении этой победы, как и их заслуги, неизвестны читателям. В лучшем случае о них есть статьи в специальных изданиях и энциклопедиях, в худших – о них просто упоминают в книгах о Великой Отечественной войне.

К числу обойденных можно отнести и тех, кто командовал флотами и флотилиями советского ВМФ. Даже о наркоме ВМФ Н.Г. Кузнецове больше всего можно было судить по его воспоминаниям, и только в последнее время начали появляться его биографии солидного размера (правда, небольшими тиражами). Биографии командующих флотами были выпущены в свое время в небольших книжечках «Политиздата», да и то не все. Командующим флотилиями повезло и того меньше. Для большинства из них в лучшем случае есть статьи в газетах, журналах, энциклопедиях и сборниках статей.

Даже вышедшая в 2001 году, основанная на документах Центрального военно-морского архива книга В.М. Лурье «Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота России в период Великой Отечественной и Русско-японской войн (1941–1945)» не упоминает некоторых командующих военными флотилиями, которые не дослужились до адмиральских чинов. Да и составлен справочник для специалистов, как канва биографии, которую следует дополнять фактами, рассеянными в многочисленной литературе. Лишь часть этой литературы указана в приведенных списках.

Не все командующие флотилиями указаны и в составленном В.Д. Доценко «Словаре морском биографическом», который вышел в 2000 году и включает более 3 тысяч кратких справок по жизни и деятельности моряков и других деятелей отечественного флота.

Автор в ряде своих книг («Самые знаменитые флотоводцы России», «Русские адмиралы», «Сто великих адмиралов») обращался к наиболее известным деятелям советского ВМФ, в первую очередь участникам Великой Отечественной войны. Однако, разумеется, во всех этих книгах не было возможности поместить даже всех командующих флотами и флотилиями в годы войны, которые стали адмиралами.

В этой книге автор делает попытку, используя многочисленную литературу о действиях ВМФ в Великой Отечественной войне и документы архивов, составить биографические очерки о командующих флотами и флотилиями в военные годы. Разумеется, по возможности указаны и наиболее яркие эпизоды из жизни и деятельности флагманов, которые выходят за рамки войны.

Жизнеописания в наибольшей степени будут обращены к служебной деятельности моряков. Автор считает, что подготовленные им биографии явятся основой для будущих историков, которые смогут исследовать более подробно жизнь тех или других участников войны. Для тех, кто решит продолжить изучение биографий и подробнее ознакомиться с событиями, в которых участвовал тот либо другой герой книги, приведен список основной литературы, а по тексту даны подстрочные примечания и ссылки на использованные издания.

В 80-х годах XX века в приложении к книге «Боевой путь Советского Военно-Морского Флота» авторы привели основные сведения о флотах, флотилиях и их руководящем составе. Это приложение указывает, в каких временных рамках существовали флоты и флотилии после Октябрьской революции, кто и когда ими командовал¹.

Обращаясь непосредственно к командующим флотами и флотилиями, следует иметь в виду, что первые в военные годы менялись редко. Стоявший во главе ВМФ Н.Г. Кузнецов оставался на посту в течение всей войны. Всю войну командовали флотами В.Ф. Трибуц (Краснознаменный Балтийский флот), А.Г. Головкин (Северный флот), И.С. Юмашев (Тихоокеанский флот). Черноморским флотом командовал до 23 апреля 1943 года Ф.С. Октябрьский, затем, до 10 марта 1944 года, его сменил Л.А. Владимирский, 10–28 марта флотом временно командовал Н.Е. Басистый, а после вновь на пост командующего вернулся Октябрьский.

С командующими флотилиями дело сложнее, так как флотилии создавали и ликвидировали в ходе войны не раз. Командующих меняли также неоднократно.

Азовская военная флотилия была создана в июле 1941 года, когда возникла угроза прорыва германских войск к Азовскому морю. С 25 июля по 13 октября флотилией командовал капитан 1-го ранга А.П. Александров, а позднее, до ухода кораблей флотилии на Черное море (14 сентября 1942 года), – контр-адмирал С.Г. Горшков. Вторично флотилию создали в феврале 1943 года, когда советские войска вышли к берегам Азовского моря. Командовал флотилией с февраля 1943 года до ее расформирования 20 апреля 1944 года тот же С.Г. Горшков, если не считать небольшого периода в январе-феврале 1944 года, когда обязанности командующего исполнял Г.Н. Холостяков.

На Краснознаменной Амурской военной флотилии сменилось несколько командующих. С начала войны до 29 июня 1943 года флотилию возглавлял П.С. Абанькин. Его сменил переведенный с Черного моря Ф.С. Октябрьский (29 июня 1943 – 21 марта 1944 года). С 21 марта по 2 сентября 1944 года командующим вновь стал П.С. Абанькин, затем до 23 июня 1945 года флотилией командовал Ф.С. Седельников, а в июне 1945 года его заменил Н.В. Антонов, которому довелось руководить боевыми действиями флотилии в войне с Японией.

У Беломорской военной флотилии, существовавшей с 15 августа 1941 по 15 апреля 1945 года, также было несколько командующих: М.М. Долинин (15 августа – 7 октября 1941 года), Г.А. Степанов (7 октября 1941 – 6 марта 1943 года), С.Г. Кучеров (11 марта 1943 – 30 августа 1944 года), Ю.А. Пантелеев (30 августа 1944 – 15 апреля 1945 года).

Волжская военная флотилия существовала с октября 1941 по июнь 1944 года. Командовали ею С.Г. Сапожников (28 октября – 6 ноября 1941 года), С.М. Воробьев (6 ноября 1941 – 16 февраля 1942 года), Д.Д. Рогачев (16 февраля 1942 – 14 мая 1943 года), Ю.А. Пантелеев (14 мая – 16 декабря 1943 года), П.А. Смирнов (16 февраля 1943 – 30 июня 1944 года).

Днепровскую военную флотилию, расформированную в июне 1940 года и превращенную во флотилию Дунайскую и Пинскую, вновь сформировали в сентябре 1943 года. До декабря 1945 года Днепровской военной флотилией командовал В.В. Григорьев.

Дунайскую военную флотилию создали в июне 1940 года, после того как советские войска заняли Молдавию. Командующими были Н.О. Абрамов (с 28 июня 1940 по 16 сентября 1941 года) и А.С. Фролов (с 16 сентября до 21 ноября 1941 года). С апреля 1944 года Дунайскую флотилию восстановили. Командовали ею С.Г. Горшков (20 апреля – 12 декабря 1944 года) и Г.Н. Холостяков (12 декабря 1944–1945 год).

Ильменская военная флотилия существовала в июле-октябре 1941 года, пока войска Северо-Западного фронта вели бои в районе озера Ильмень. Командовал флотилией В.М. Древницкий (28 июля – 20 октября 1941 года).

¹ *Боевой путь Советского Военно-Морского Флота* / Под ред. А.В. Басова. М.: Воениздат, 1988. С. 523–529.

Каспийской военной флотилией, которая вела боевые действия в августе 1942 – феврале 1943 года, командовали: Ф.С. Седельников (1940 – 10 сентября 1944 года), Ф.В. Зозуля (с 15 сентября 1944 года).

Ладожская военная флотилия существовала с июня 1941 по ноябрь 1944 года. С 25 по 30 июня флотилией временно командовал В.П. Барановский, с 30 июня по 18 июля – С.В. Земляниченко, с 24 июля по 8 августа – В.П. Боголепов, с 8 августа по 13 октября – Б.В. Хорошхин, с 13 октября 1941 по 25 сентября 1944 года – В.С. Чероков.

Онежская военная флотилия существовала в августе-ноябре 1941 года, после чего ее расформировали и корабли передали в Волжскую флотилию. Но в апреле 1942 года был создан Онежский отряд кораблей, который вел боевые действия с мая по декабрь. В декабре отряд переименовали в Онежскую военную флотилию, которая вела боевые действия до 7 октября 1944 года и была расформирована ввиду того, что фронт ушел далеко от Онежского озера. Флотилией первоначально командовал А.П. Дьяконов (7 августа – 28 ноября 1941 года, 10 мая – 7 июля 1943 года); он же командовал отрядом в 1942 году. С 7 июля по 11 августа 1943 года временно командовал флотилией Н.В. Антонов. С 11 августа 1943 по 25 января 1944 года командующим был П. С. Абанькин, с 25 января по 10 июля 1944 года обязанности командующего исполнял Н.В. Антонов.

Пинская военная флотилия существовала с июня 1940 по октябрь 1941 года. Ее создали на основе Днепровской военной флотилии, когда к Советскому Союзу были присоединены Западная Украина и Западная Белоруссия. С июня 1940 по 18 сентября 1941 года флотилией командовал Д.Д. Рогачев.

Северная Тихоокеанская флотилия была создана в августе 1939 года. Первым ее командующим стал М.И. Арапов с августа 1939 по 13 февраля 1943 года; сменил его В.А. Андреев с 14 апреля 1943 года. Андрееву довелось командовать флотилией в ходе войны с Японией в августе-сентябре 1945 года.

Чудская военная флотилия существовала в июле-августе 1941 года. Командовал ею Н.Ю. Авраамов. В 1944 году был организован отряд кораблей, которым командовал А.Ф. Аржавкин.

Мы с вами, уважаемый читатель, можем убедиться, что некоторые командующие успели за время войны руководить несколькими флотилиями и флотами. Об их деятельности возможно написать, пользуясь книгами и статьями, документами архивов о соответствующих событиях Великой Отечественной войны. Конечно, даже документы не дают стопроцентной гарантии достоверности, и приходится сравнивать разные источники.

Разумеется, в зависимости от того, каков был срок службы того или другого командующего во главе флота или флотилии, сколько было сделано в период его командования, зависит и объем биографического очерка. Если кто-либо командовал флотилией несколько дней или недель, придется обойтись очень скромной информацией о нем. Следовательно, предложенные читателю очерки будут различаться по объему и подробности изложения.

Автор выражает благодарность сотрудникам Центрального военно-морского архива и особенно В.М. Лурье. Благодаря справкам по биографиям некоторых командующих флотилиями, которые подготовил В.М. Лурье, и материалам, которые любезно предоставило руководство ЦВМА, удалось значительно пополнить и уточнить посвященные им очерки и уменьшить число пропущенных лиц до минимума.

Автор благодарен также сотрудникам РГА ВМФ за помощь в подборе материалов к биографиям некоторых командующих.

Для удобства изложения первую часть книги составляет биографический очерк наркома ВМФ Николая Герасимовича Кузнецова, в котором дана общая картина участия флотов в войне. Далее следуют биографии командующих флотами, затем – командующих флотилиями в алфавитном порядке. Таким образом, читатель, обращаясь к последующим биографиям, будет

уже иметь представление о месте и роли флотов и флотилий в истории Великой Отечественной войны по биографии наркома.

Биографии Н.Г. Кузнецова, С.Г. Горшкова и некоторых других деятелей Военно-морского флота расскажут о некоторых страницах истории развития отечественного флота в послевоенное время. Автор считает, что благодаря такой форме изложения читатель получит некоторое представление не только об участии ВМФ в Великой Отечественной войне, но и об эпизодах развития советского флота в другие периоды его истории.

КУЗНЕЦОВ НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧ Нарком ВМФ

Как-то Николай Герасимович Кузнецов писал другу о результатах необычных подсчетов. Оказалось, моряк дважды был в звании контр-адмирала, трижды вице-адмиралом, дважды адмиралом и дважды Адмиралом Флота. Он тогда еще не предполагал, что через годы, уже после смерти, ему вторично присвоят звание Адмирала Флота Советского Союза. Этого звания его лишили, когда моряк завершал путь на флоте, пролеглий от низшего до высшего морского звания.

Родился Николай Кузнецов 11 (24) июля 1904 года в селе Медведки ныне Котласского района Архангельской области. Деревня стояла на берегу реки Ухтомки, впадавшей в Северную Двину. Двенадцати лет мальчик остался без отца и отправился на заработки в Архангельск². Летом 1915 года мать отвезла младшего сына в Котлас, что был в 20 верстах от Медведки. Оттуда дядя Павел Федорович на речном пароходе перевез мальчика в Архангельск. Это было первое плавание в жизни будущего флагмана. Он жил у дяди, работал по дому, а летом возвращался в деревню помогать матери и брату в поле. Учебу в Архангельске вскоре пришлось бросить, однако юноша много читал, устроился рассыльным в Управление работ по улучшению Архангельского порта. Его взяли однажды в море рыбаки, и старшой артели, понаблюдав, напроорочил: «Будешь добрым моряком»³.

В июне 1919 года Кузнецов уехал, как обычно, в деревню, а в июле интервенты заняли Архангельск и двинулись на Котлас. Для обороны на реке была организована Северо-Двинская военная флотилия. Пятнадцатилетнего юношу не могли призвать на военную службу, но принялись перепечатывать документы. В 1920 году он числился машинистом-переписчиком 2-го разряда Технического отдела Военного порта флотилии. Вскоре с изгнанием интервентов кончилась война, и флотилию расформировали. При помощи знакомого писаря Кузнецов получил «Перерегистрационную карту», в которой был указан возраст на два года больше и то, что он зачислен в центральный флотский экипаж. Это позволило ему получить военно-морское образование⁴.

Военмор Кузнецов полгода проходил строевую подготовку в Соломбальском полуэкипаже. Затем с эшеленом моряк прибыл служить и учиться на Балтику. В подавлении Кронштадтского мятежа ему участвовать не довелось. В 1921–1923 годах Кузнецов прошел подготовительную школу для моряков военного флота и подготовительные курсы при Военно-морском училище. Его зачислили на специальный курс училища. Моряк старательно учился, что отражают характеристики в личном деле. Одна из них гласит: «Очень способный. Общее развитие хорошее. Специальная подготовка отличная, политическая подготовка хорошая, отношение к службе отличное, будет хороший артиллерист»⁵. В частности, как старшекурсника Кузнецова в 1925 году назначили командиром 1-го отделения 1-го взвода роты А первого курса нового набора.

Будущие командиры прошли хорошую морскую школу, четыре кампании плавали на различных кораблях, побывали в дальнем походе, прошли по Балтике, Северному и Норвежскому морям в Северный Ледовитый океан, получили значительный опыт в навигации и морской

² Касатонов В.А. Н.Г. Кузнецов – выдающийся советский флотоводец // Флагманы. М.: Воениздат, 1991. С. 148.

³ Рудный В.А. Указ. соч. М.: Политиздат, 1982. С. 14–15.

⁴ Михайлов Л.Н. Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов. СПб., 2004. С. 16–20.

⁵ Касатонов В.А. Указ. соч. С. 148–149.

практике. В последнем году будущим командирам было доверено покомандовать стоявшим на якоре линкором⁶.

В 1924 году Кузнецов – член делегации от училища на похороны В.И. Ленина. После возвращения с похорон он выступал перед рабочими фабрик и заводов о виденном в Москве. Моряк подал заявление о вступлении в партию и в 1925 году стал членом ВКП(б)⁷.

После училища Кузнецову, как одному из пяти лучших выпускников, предложили самому избрать флот, на котором он хочет продолжить службу. Несмотря на то что была возможность служить на линкоре, самом крупном корабле Морских сил Балтийского моря, моряк избрал Черное море, где почти не оставалось кораблей, кроме крейсера «Коминтерн» и нескольких миноносцев. Однако в Николаеве достраивали крейсер, получивший название «Червона Украина». Именно на этот современный корабль и хотел попасть Кузнецов. После окончания Высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе в октябре 1926 года молодого командира назначили вахтенным начальником крейсера «Червона Украина» Морских сил Черного моря. В 1926–1929 годах он – вахтенный, затем старший вахтенный начальник крейсера «Червона Украина», командир батареи. За четыре кампании моряк хорошо себя зарекомендовал. В одной из ежегодных аттестаций было написано: «Приспособляемость к практической жизни удивительно высока. Инициативен, дисциплинирован, требователен к подчиненным, любит море. В походной обстановке исключительно вынослив»⁸.

В аттестации 1927 года было записано: «Заслуживает продвижения во внеочередном порядке». Эту аттестацию моряк подтвердил в походе 1928 года, когда в Стамбуле пришлось ликвидировать пожар на борту⁹.

Через три года, в 1929-м, перспективного командира назначили в Морскую академию на факультет оперативного искусства, который он окончил в 1932 году. Вместе с В.А. Алафузовым Кузнецов самостоятельно занимался сверх программы французским и немецким языками. За блестящее окончание оперативного факультета в мае 1932 года Кузнецов получил первую награду – именную пистолет с надписью «Командиру-ударнику Н.Г. Кузнецову за успешное окончание В. М. Академии от Наморси РККА. 4.5.1932»¹⁰.

Сам он об этом времени писал: «В Военно-морской академии мы получили солидное оперативно-тактическое образование, основательно изучили многие проблемы будущей войны на море. Именно в стенах академии нам привили правильные взгляды на роль флота в обороне нашей Родины. Исходя из единой для всех Вооруженных Сил стратегии, мы ясно стали видеть место флота как одного из видов вооруженных сил»¹¹.

Кузнецов считал, что у офицеров должен быть либо командный, либо штабной склад ума. Сам он относил себя к первой категории, избегая работы в штабе. Когда Кузнецову предложили после академии службу в штабе с повышением (моряка знали по стажировке в штабе Морских сил Балтийского моря), он попросился на корабль. Отказался Кузнецов и от должности командира. Как добросовестный человек, он посчитал, что следует пройти необходимую ступень – должность старшего помощника командира корабля¹².

В мае 1932 года Кузнецов и В.А. Алафузов прибыли в Севастополь. Алафузова определили в штаб флота, а Кузнецова – старпомом на крейсер «Красный Кавказ», на котором после столкновения с другим кораблем сменили командование. В 1932–1934 годах Кузнецов – старший помощник командира крейсера «Красный Кавказ», который в 1933 году стал одним

⁶ Рудный В.А. Указ. соч. С. 24–25.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1995. С. 198–199.

¹⁰ Рудный В.А. Указ. соч. С. 22–23.

¹¹ Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат, 1969. С. 56–57.

¹² Рудный В.А. Указ. соч. С. 23–24.

из лучших кораблей Морских сил Черного моря. Моряк учился искусству управления кораблем и сам совершенствовал систему подготовки экипажа. За время деятельности Кузнецова на корабле появился четкий уставной порядок, твердо соблюдали корабельное расписание, экипаж получал все положенное. Флаг-штурман бригады крейсеров А.Н. Петров вспоминал, что старпом был близок к команде, как бывший матрос, однако сохранял высокую требовательность к боевой подготовке: «Впервые я увидел, как старпом заставил всех командиров боевых частей, да и нас, флагманских специалистов, разработать методику боевой подготовки. Раньше никакой методики не было. Старослужащие обучали молодых, как и что надо делать. Но это пригодно для одиночек. А действия подразделения? А взаимодействие? А учения по боевым частям, по кораблю в целом? Все, по сути, началось с «Красного Кавказа». В полной мере эту работу развернул, когда стал командиром «Червонной Украины». Все потом вылилось в «Курс боевой подготовки корабля» в масштабе флота. Мы тогда только рожали БУМС – временный Боевой устав Морских Сил. Это академия работала. А «Курс» на корабле – его инициатива и заслуга. Он, помнится, вроде бы и не работал. Стоим на рейде, выглянешь – старпом на юте, а всюду все вертится. Это было чудом!»¹³

Кузнецов поддержал предложение командира БЧ-V И. Прохвятилова организовать обучение команды борьбе за живучесть в масштабах всего корабля. Сначала общекорабельные учения проводили на якоре, затем отрабатывали на ходу. Подготовку экипажа крейсер продемонстрировал в плавании по иностранным портам: Турция, Италия, Греция. Через год, в сентябре, командующий флотом приказал Кузнецову принять крейсер «Червона Украина», отправлявшийся в Батум. По возвращении моряк вступил в командование.

Крейсер являлся флагманским кораблем командующего И.К. Кожанова. Кузнецов добился выхода корабля из ремонта в марте. К осени 1934 года крейсер претендовал на звание лучшего корабля Морских сил. К стрельбам была подготовлена новинка, предложенная главным артиллеристом А.В. Свердловым, – стрельба на больших скоростях и дистанциях с упреждением неприятеля для поражения его с первых залпов. Со второго залпа щит был изрешечен. Однако при выходе в ночной поход крейсер намотал на винт сеть, и первое место досталось «Красному Кавказу». Винил в неудаче Кузнецов только себя, как командира¹⁴. Тем не менее крейсер «Червона Украина» под командованием моряка достиг высоких показателей в боевой и политической подготовке, а командира наградили орденом Красной Звезды. Командующий флотом И.К. Кожанов в 1935 году писал о самом молодом капитане как о растущей личности¹⁵.

В 1935 году «Червонной Украине» не раз приходилось, кроме плановых учений, выходить в море с К.Е. Ворошиловым, Т.К. Орджоникидзе, Г. Димитровым. Продолжалась борьба за первый залп при активной деятельности всего экипажа. На сентябрьских учениях Морских сил с авиацией экипаж крейсера продемонстрировал отличную подготовку. Наблюдавший за учениями представитель Морских сил страны Э.С. Панцержанский после блестящей ночной швартовки крейсера сказал Кузнецову: «Браво, кэптен!»

В один из последних походов за границу турецкая пресса отметила: «Русские, очевидно, хорошо знают наши проливы, если сумели ночью самостоятельно пройти через Босфор». Речь шла о «Червонной Украине», которую Кузнецов, выполняя приказ командования, ночью провел через пролив и доставил в Севастополь¹⁶.

За время командования кораблями моряк ни разу не был в отпуске, а когда представилась возможность отдохнуть в академии, он выпросился в плавание на торгово-пассажирском

¹³ Рудный В.А. Указ. соч. С. 30.

¹⁴ Рудный В.А. Указ. соч. С. 36–37.

¹⁵ Касатонов В.А. Указ. соч. С. 150–151.

¹⁶ Рудный В.А. Указ. соч. С. 45.

судне в Кильскую бухту, Гамбург, Гулль и Лондон. Навсегда командование крейсером осталось первой его любовью.

В августе 1936 года Кузнецова срочно вызвали в Москву. Предстояла поездка в Испанию. Моряка назначили на незнакомую ему должность военно-морского атташе. До Испании он добирался через Германию и Францию, увидел разгул германского фашизма.

О деятельности Николая Герасимовича в Испании можно судить по его книге «На далеком меридиане», в которой он рассказывал о работе своей и своих помощников по повышению боеспособности республиканского флота¹⁷.

Первоначально Кузнецов – военно-морской атташе. Не имея возможности вмешиваться, он только наблюдал за состоянием испанского флота, поражался своеобразному подходу моряков к дисциплине, отмечал слабую подготовку команд. Испанский язык не входил в число известных ему. Пришлось осваивать язык и добиваться доверия. После того как атташе участвовал с испанским флотом в опасном боевом походе к Бискайе и флот вернулся в Средиземное море, его назначили главным военно-морским советником.

Приходилось делать немало. Основной задачей стало охранение грузовых судов, которые из СССР доставляли грузы для Испанской республики. Так как Франко располагал эскадрой и в любой момент мог получить поддержку германского и итальянского флотов, следовало приводить в боеспособное состояние республиканский флот. Необходимо было учить морскому делу и порядку корабельной службы командиров, выдвинутых из матросов, отучать от расхлябанности и недисциплинированности массу моряков, приводить в порядок техническую часть флота. В частности, пришлось восстанавливать формуляры на торпеды, уничтоженные вражеской рукой. При этом Кузнецов и прибывавшие в его распоряжение опытные советские моряки должны были действовать не приказами, а советами и личным примером. Дон Николас, как называли главного советника в Испании, добился уважения умением, тактом и мужеством, что испанцы особенно ценили.

Уже в 1937 году республиканский флот при помощи советских советников добился первых успехов. В бою с крейсером «Либертад» получил повреждения новейший крейсер мятежников «Балеарес»; через полгода его потопили торпеды с республиканского миноносца.

Кузнецову приходилось много ездить по портам, налаживая боевую службу, организовывая прием «игреков» (судов с военными грузами). Его называли «альмиранте», хотя адмиральского чина моряк еще не имел. Один из советников позднее вспоминал, что авторитет главного советника был так велик, что при упоминании его имени самые неговорчивые заявляли: «Не надо говорить с альмиранте, я подумаю, все будет сделано»¹⁸.

Имел авторитет Кузнецов и у противника. Испанский генерал Кейпо де Льяно грозил смести с лица земли Картахену, через которую шли танки и самолеты, действовавшие против франкистов. Когда испанские самолеты в ходе ночной атаки добились попадания в немецкий линкор «Дойчланд», генерал по радио обвинял «альмиранте Кузнецова» в том, что тот явился главным виновником провала блокады республики.

Отозвали Кузнецова осенью 1937 года, за заслуги наградили орденами Ленина и Красного Знамени. На должности, требовавшей не только знаний, но и дипломатического искусства, моряк пользовался уважением и своих товарищей, и испанцев. Он получил опыт организации операций против германских фашистов и представление о значении флота, авиации и подводных лодок в современной войне. Значительно позднее флотоводец оценивал значение командировки: «Во время этой войны мы, советские моряки, приобрели немалый опыт, ясно представили себе роль авиации в любых операциях флота, необходимость воздушного прикры-

¹⁷ Кузнецов Н.Г. На далеком меридиане: воспоминания участника национально-революционной войны в Испании. М.: Наука, 2005.

¹⁸ Рудный В.А. Указ. соч. С. 59–59.

тия его сил в базах, убедились, как важно, чтобы авиация, призванная действовать с флотом, организационно входила в его состав, была с ним под единым командованием и повседневно обучалась действовать на море. Наконец мы воочию увидели, насколько быстротечны события в современной войне, особенно в ее начале, как внезапным ударом можно повлиять на весь ход войны. Это заставило серьезно думать о постоянной боевой готовности нашего советского флота»¹⁹.

Кузнецов считал, что не следует слишком быстро отзываться советников, которым требовалось немало времени на освоение. Однако новые энергичные люди требовались и в СССР. После многочисленных арестов среди высшего командования в 1937 году освободились должности разных уровней. Одну из них предстояло занять Кузнецову. Он не пробыл в санатории положенного месяца: уже через неделю моряка вызвали в Москву и сообщили о назначении на Тихоокеанский флот (ТОФ).

С августа 1937 года Кузнецов – первый заместитель командующего Тихоокеанским флотом в звании капитана 1-го ранга. Затем его произвели в флагманы 2-го ранга и назначили вскоре командующим²⁰. Командовал он ТОФ с 10 января 1938 по 28 апреля 1939 года²¹.

К тому времени флот еще создавали. По Северному морскому пути в 1936 году перевели два нефтяных эсминца. Торпедные катера и малые подводные лодки перевозили по железной дороге, минные заградители и тральщики переоборудовали из мирных судов. Кораблестроение на Дальнем Востоке только начиналось. Требовались огромные средства и усилия, чтобы построить базы, гарнизоны, освоить и изучить Тихоокеанский театр.

Кузнецов не имел опыта командования соединением. Тем не менее он учился на ходу. Не засиживаясь в кабинете, молодой флагман бывал в частях и на кораблях, объехал огромное пространство Дальнего Востока, вникал в суть службы, добивался от командиров досконального знания театра военных действий и противника.

В отличие от других флотов на Тихом океане учились плавать круглогодично, несмотря на тяжелые климатические условия. Именно здесь ставили рекорды автономности для подводных лодок и пересматривали нормы мореходности малых судов. В условиях, когда могла неожиданно вспыхнуть война, моряки не прекращали службу никогда. Учитывая недостаток надводных кораблей, которым часто приходилось выступать в роли вспомогательных судов, основную силу составляли береговая оборона, авиация и подводные лодки. Последние нередко выводили в море за ледоколами.

Особое значение на Дальнем Востоке имело взаимодействие с сухопутными войсками. Маршал В.К. Блюхер, командовавший Отдельной краснознаменной Дальневосточной армией (ОКДВА), был главнокомандующим на Дальнем Востоке, которому оперативно подчинялся флот. Видимо, присматривавшийся к молодому флагману маршал и рекомендовал его на пост командующего. В беседах с Кузнецовым он высказывал свои мысли о совместной деятельности сухопутных и морских сил. Зная соотношение сил ТОФ и Японии, Блюхер ставил морякам выполнимую задачу – охранять фланги, оборонять побережье и готовиться к защите Владивостока. Одновременно он рекомендовал активнее использовать подводные лодки и авиацию для действий против противника в море. Значительно позднее адмирал писал: «Опыт Великой Отечественной войны показал, насколько был прав талантливый полководец. В войне нет ничего более необходимого и более сложного, чем взаимодействие всех родов оружия и видов Вооруженных Сил. Чтобы правильно распределять между ними задачи, согласовывать планы совместных действий, надо еще в мирную пору много поработать. Во время учений некоторые

¹⁹ Рудный В.А. Указ. соч. С. 65.

²⁰ Касатонов В.А. Указ. соч. С. 152.

²¹ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 572.

оперативные ошибки еще можно исправить. Иное дело в боевых условиях; здесь каждый промах в организации взаимодействия грозит тяжелыми последствиями»²².

В период двухнедельного конфликта на озере Хасан, когда возникла опасность для Владивостока, Кузнецов изыскивал способы действия сил флота во взаимодействии с наземными войсками. На позициях были развернуты подводные лодки; на север, где баз не было, отправили подводные минные заградители серии «Л» с плавбазой «Саратов». Малые суда перевозили войска, грузы для армии, участвовали в боевых действиях.

В ходе боевых действий, ожидая воздушный налет на Владивосток, командующий организовал полномасштабные учения по затемнению, которые выявили недостатки готовности базы и флота. Вопрос готовности к нападению надолго стал важнейшим для Кузнецова. Так как флот – это не только корабли, но и многочисленные береговые организации, верфи и т. п., потребовалось обеспечить всеобщую их готовность на случай войны. Уже с начала 1938 года Кузнецов организовал тренировки «Тыловое обеспечение боевых операций». В штабе флота начальник штаба Б.Л. Богденко и начальник оперативного отдела М.С. Клевенский разрабатывали систему ступенчатой готовности флота, которая со временем приобрела общифлотский характер²³.

На Тихом океане отрабатывали первые подледные плавания, подводники осваивали прием погружения лодок от налета авиации на стоянке.

Как командующий, Кузнецов стал членом Главного военного совета ВМФ, но редко ездил в Москву, чтобы не терять месяц на дорогу. Контр-адмирал привык к Тихоокеанскому флоту, привез жену во Владивосток. Однако весной 1939 года он получил новое назначение.

Умение Кузнецова наладить боевую подготовку флота и управлять его силами в трудных условиях было замечено в столице. 28 марта И.В. Сталин предложил флагману 2-го ранга работу в Москве. На следующий день Главный военный совет РК ВМФ решил освободить наркома ВМФ М.П. Фриновского (не моряка, бывшего заместителя наркома НКВД) от должности и сменить его первого заместителя флагмана 2-го ранга П.И. Смирнова Н.Г. Кузнецовым. С марта 1939 года Кузнецов был заместителем наркома ВМФ. С апреля 1939 года он уже оказался на посту наркома. Так как и Смирнова, и Фриновского арестовали, принимать дела было не у кого. Сразу пришлось действовать самостоятельно²⁴.

Уже в первый день руководства наркоматом Кузнецов потребовал от подчиненных жить жизнью флота и знать все о нем в своей сфере деятельности, уменьшить бюрократическую переписку. Флагман не стеснялся делать выговор опытному моряку Н.Н. Несвицкому за то, что на учениях Балтийского флота осенью 1939 года линейные корабли шли без противолодочного зигзага. Он ограничил число отпускников и кораблей в ремонте зимой; остальным следовало плавать и учиться. На всех флотах развернулась борьба за первый залп. Кузнецов распорядился воссоздать на кораблях кают-компании как место отдыха и воспитания командиров. На совещаниях он поддерживал дух свободного обсуждения. Нарком записал как-то, что объединяет людей не здание, а единство цели, стремление каждого внести свой вклад²⁵.

Так получилось, что моряку досталась нелегкая ноша подготовки к войне с Германией, которую он считал неизбежной, и руководство флотом в ходе самой тяжелой из войн истории.

Не хватало специалистов после репрессий 30-х годов. Не существовало документа, регламентирующего взаимоотношения Наркоматов обороны и ВМФ. Строили немало кораблей, однако основные средства шли на линкоры и крейсера, тогда как мало уделяли внимания противолодочным и тральным силам, зенитной обороне кораблей. Система базирования и органи-

²² Рудный В.А. Указ. соч. С. 77.

²³ Кузнецов Н.Г. Указ. соч. С. 220–222.

²⁴ Касатонов В.А. Указ. соч. С. 145, 153–154; Кузнецов Н.Г. Накануне. С. 233–234.

²⁵ Рудный В.А. Указ. соч. С. 90–92, 94.

зация флота отставали от роста его численности. Потому 25 июля 1940 года, представляя трехлетний план кораблестроения (1940–1942), Кузнецов направил И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.А. Жданову и К.Е. Ворошилову доклад, в котором отметил несбалансированность в развитии сил флота. Лишь 19 октября 1940 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР решили пересмотреть программу в пользу легких сил. Однако до начала войны устранить диспропорции не удалось²⁶.

Предполагали создать в 40-х годах сбалансированный флот, но не успели. Об этом Кузнецов писал в статье, вышедшей уже после смерти: «Главный морской штаб... считал тогда, что война начнется не так скоро, и документы готовил с расчетом на «большой флот», понимая под этим готовность многих военно-морских баз, окончание строительства береговой обороны и наличие на театрах сбалансированных флотов (то есть на рациональное соотношение разных кораблей – вплоть до авианосцев, подводных лодок, тральщиков»²⁷.

Лучше получилось с повышением боевой готовности флотов. Еще на Тихом океане флагман продумывал систему, позволяющую флоту всегда быть в готовности к нападению. Уже через несколько месяцев после вступления в должность он ввел в действие трехступенную систему оперативной готовности флота²⁸. По этой системе готовность № 3 предусматривала поддержание обычной службы при готовности к войне. При готовности № 2 корабли принимали все запасы, увольнение сокращали до минимума. По готовности № 1 все корабли и части были готовы немедленно действовать.

Позднее Кузнецов сам признавался, что основной трудностью на первом этапе работы наркомом явился трепет перед авторитетами. Не всегда удавалось отстоять свои взгляды. В частности, не удалось доказать, что приграничная Либава годится лишь как операционная база. Тем не менее нарком добился разрешения перевести оттуда линкор, а затем, за месяц до войны, и весь отряд легких сил в Рижский залив. Слишком поздно руководство страны пришло к выводу, что необходимо, прекратив постройку линейных кораблей, направить средства на более нужные легкие силы. Со временем, получив опыт, Кузнецов все чаще спорил по кардинальным вопросам развития флота, даже если его возражения вызывали недовольство самого И.В. Сталина.

Кузнецов в качестве наркома ВМФ участвовал в переговорах с представителями Англии и Франции. Он был искренне уверен, что при конструктивном подходе государства могли выступить единым фронтом против фашизма. Заключенный с Германией договор о ненападении он считал только средством получить отсрочку, необходимую для перевооружения, и был уверен, что Гитлер непременно нападет на Советский Союз. К этому он и готовил флот.

В конце 1940 года вступило в силу Временное наставление по ведению морских операций. В декабре 1940 года под руководством Кузнецова были проведены сборы высшего состава ВМФ, посвященные изучению опыта первого года мировой войны в Европе и войны с Финляндией. В результате были определены недостатки и выработаны пути их исправления.

На расширенном Главном военном совете ВМФ под председательством Кузнецова выступил с анализом современного состояния военно-морского дела по опыту первого года мировой войны адмирал И.С. Исаков. Он сменил на посту начальника Главного морского штаба Л.М. Галлера. Кузнецов, считая себя из-за особенностей прохождения службы недостаточно подготовленным штабистом, полагал необходимым в качестве поддержки опираться на теоретически подготовленного начальника ГМШ²⁹.

В феврале 1941 года Кузнецов приказал увеличить состав боевого ядра флота и издал директиву о разработке оперативного плана войны против Германии и ее союзников. В апреле

²⁶ Касатонов В.А. Указ. соч. С. 154–155.

²⁷ Рудный В.А. Указ. соч. С. 101.

²⁸ Касатонов В.А. Указ. соч. С. 155.

²⁹ Рудный В.А. Указ. соч. С. 102.

июне 1941 года проводили учения и проверки хода ремонта кораблей, постройки новых баз, аэродромов, фактической готовности флота к переходу на оперативную готовность № 1. Любые недостатки в оперативной готовности кораблей, частей и соединений флота нарком считал чрезвычайным происшествием и приказывал сурово наказывать виновных. Приказ этот вышел 5 июня 1941 года. В ближайшие дни обстановка еще более обострилась. Исходя из поступавших сведений о сосредоточении неприятельских войск у границ, нарком ВМФ по собственной инициативе перевел флоты 18–19 июня на оперативную готовность № 2, а в ночь на 22 июня – на оперативную готовность № 1³⁰. Командующих флотами конфиденциально предупредили о возможности войны.

В 1.12 22 июня узел связи Наркомата ВМФ передал следующую директиву Кузнецова Военным советам КБФ, СФ, ЧФ, командующим Пинской и Дунайской флотилиями: «В течение 22.6/23.6 возможно внезапное нападение немцев. Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Наша задача не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности, встретить возможный удар немцев и их союзников. Приказываю: перейдя на оперативную готовность № 1, тщательно маскировать повышенную боевую готовность. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещаю. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»³¹.

Все эти меры позволили флотам ВМФ СССР встретить нападение 22 июня 1941 года во всеоружии. От первых налетов гитлеровской авиации на военно-морские базы потерь не было.

В 3.15 22 июня Н.Г. Кузнецову позвонил командующий Черноморским флотом Ф.С. Октябрьский и сообщил о налете германской авиации на Севастополь. Вскоре последовали звонки с других флотов. Стало ясно: война началась³².

Гитлеровцы, вторгаясь в СССР, рассчитывали на внезапность. Прорвав слабую оборону на границе, они крупными танковыми группировками направились в глубь страны. Массу советских самолетов и другой техники уничтожали на местах стоянок ударами с воздуха. Потеря складов вооружения и боеприпасов в приграничной зоне затруднила мобилизацию.

Положение на флотах в начале войны оказалось лучше. Благодаря отработанной системе боевой готовности моряки вовремя и во всеоружии встретили первое нападение. По планам развертывания флоты ставили минные заграждения, начинали мобилизацию, развертывали дозоры. В море на патрулирование выходили надводные корабли и подводные лодки. Донесения с флотов за первый день войны свидетельствовали: моряки выдержали экзамен. На Черном море зенитным огнем отбили попытку неприятельской авиации перекрыть фарватер магнитными минами. На Севере день прошел относительно спокойно, и Кузнецов запретил затрагивать территорию Финляндии, атакуя аэродромы противника лишь в Норвегии. Дунайская флотилия ответила огнем на обстрел неприятеля. На Балтике сброшенные у Кронштадта мины заметили, и их начали тралить. Единственно беспокоило положение Либавы. На базу двигался неприятель, а взаимодействие с сухопутными войсками еще не отладили. Нарком ВМФ позднее писал: «...никто не мог предугадать, как сложится с началом военных действий обстановка на фронтах. А без ее учета нельзя было планировать дальнейшие крупные операции. Тогда мы впервые на деле почувствовали подчиненную роль Военно-Морского Флота общим стратегическим планам Вооруженных Сил, ощутили необходимость координации действий с сухопутным командованием. Пока что оба военных наркома самостоятельно разбирались в обстановке, и каждый по своему усмотрению реагировал на нее. Но уже на второй день войны была

³⁰ Касатонов В.А. Указ. соч. С. 155–156.

³¹ Михайлов Л.Я. Указ. соч. С. 126.

³² Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 8–9.

создана Ставка Главного Командования во главе с Наркомом обороны Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко»³³.

Позднее в не опубликованной при его жизни рукописи Н.Г. Кузнецов отмечал: «Накануне войны у нас не было четкой военной доктрины, а потому не могло быть и четко сформулированных задач флоту, не была определена и его роль в системе Вооруженных сил. Без этого нельзя было приступить к разработке конкретных задач флотам»³⁴.

До начала боевых действий в руководстве вооруженных сил считали, что война для Красной армии будет наступательной. Соответствующие задачи имели и флоты, которым, по предвоенным планам, следовало бороться с флотами противника. Так как высшее военное командование не верило в способности флота решать оперативно-стратегические задачи, в мирное время не было налажено взаимодействие сухопутных и морских сил. В реальности оказалось, что основная задача флотов и флотилий – именно поддержка войск, ведущих боевые действия, да еще в условиях отступлений. Однако первые годы войны ни Генеральный штаб, ни командующие фронтами не ставили Главный морской штаб в известность о планируемых с подчиненными им морскими силами операциях³⁵. Такое положение вещей затрудняло взаимодействие флотов и флотилий с сухопутными войсками.

Любопытно отношение к флоту в высшем звене военного руководства. Если в Ставке Главного Командования Вооруженных сил СССР нарком ВМФ присутствовал, то в составе образованной 10 июля Ставки Верховного Командования во главе с И.В. Сталиным ни одного моряка не было. Не вошел Кузнецов и в состав Ставки Верховного Главнокомандования, созданной 8 августа, когда Сталина назначили Верховным главнокомандующим. Наркома ВМФ включили в состав Ставки только 17 февраля 1945 года³⁶.

Нападение Германии на Советский Союз сразу изменило расстановку сил в мире. Уже 22 июня премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил о поддержке СССР в войне. 24 июня президент США Ф.Д. Рузвельт, несмотря на то что страна еще не вступила в войну, обещал предоставить «всю возможную помощь». Со временем обещания вылились в поставки вооружения и продовольствия по ленд-лизу. 12 июля Кузнецова вызвали в Кремль на церемонию подписания англо-советского соглашения, которое предусматривало совместные действия и содержало обязательства не заключать сепаратного мира. Не раз нарком встречался с английским морским представителем контр-адмиралом Дж. Майлсом. Два моряка быстро нашли общий язык. После первого же разговора Майлс обещал доложить в адмиралтейство о проблемах обеспечения морских перевозок между двумя странами. Позднее Англия и СССР обменивались информацией о современном вооружении. В конце июля 1941 года прибыл специальный представитель президента США Гарри Гопкинс. Он вел переговоры со Сталиным, в которых участвовал и нарком ВМФ. Обсуждали вопросы о том, какие грузы должны поступить из Америки для фронта и промышленности. Гопкинс был уверен, что Соединенным Штатам предстоит вступить в войну. Он являлся сторонником активизации английских действий в Европе. Улетев в Лондон, Гопкинс организовал Московскую конференцию трех стран (Англии, США и СССР) в сентябре-октябре 1941 года, на которой были решены важные вопросы совместных действий и помощи Советскому Союзу снабжением³⁷.

Но помощь союзников начала поступать позднее. Теперь же приходилось рассчитывать только на свои силы. Как и в Финской кампании, война для флота явилась несколько иной, чем

³³ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 10–11.

³⁴ Костев Г.Г. Военно-Морской Флот страны в последние полвека. Взлеты и падения. М.: Глобус, 2000. С. 8.

³⁵ Доценко В.Д., Гетманец Г.М. Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб.: Terra Fantastica; М.: Эксмо, 2005. С. 8–9.

³⁶ Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. С. 153.

³⁷ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 11, 16–20.

планировали. В Главном морском штабе ожидали, что противник будет высаживать морские и воздушные десанты. Однако Германия, не располагавшая большим флотом, сберегала его для войны с Англией и США и поставила целью брать военно-морские базы с суши. Потому основной задачей ВМФ СССР стало взаимодействие с армией и авиацией. Кроме того, флот выполнял типичные для него задачи: действия на неприятельских коммуникациях силами подводных лодок и легких сил, постановку минных заграждений и траление поставленных неприятелем мин, перевозки войск и грузов. Но и в этих типичных для морских сил действиях возникли проблемы, в первую очередь на Балтийском море.

Еще за два дня до начала войны германские и финские суда начали постановку минных заграждений на вероятных путях движения советских кораблей. На позиции вышли подводные лодки. Активность противника заметили, но ее причины до начала боевых действий оказались неясны. Уже 23 июня на минах подорвались эсминец «Гневный» и крейсер «Максим Горький»; первый затонул, а крейсер потребовал длительного ремонта³⁸.

Так как для обеспечения защиты от минной опасности требовалась сотня быстроходных тральщиков, а налицо состояло лишь двадцать, в первые же дни командование Балтийского флота приказало подобрать в Ленинграде все пригодное для траления, не исключая речных колесных буксиров. Слабой оказалась зенитная оборона. Недостаток сторожевых кораблей пришлось компенсировать даже весьма дефицитными тральщиками³⁹.

Наиболее острое положение возникло в районе Либавы (Лиенаи). Атаку неприятельской авиации защитники базы успешно отбили, в ответ самолеты Балтийского флота нанесли удар по Мемелю (Клайпеде). С утра 22 июня подводные лодки вышли на позиции, надводные корабли начали ставить минные заграждения. Часть кораблей отправили в тыл. Однако неприятельские сухопутные войска быстро прошли дорогу от границы до города. Неотмобилизованная 67-я стрелковая дивизия и флотские подразделения сдерживали натиск противника, не позволив взять Либаву с ходу. До войны Н.Г. Кузнецов говорил с командующим Прибалтийским военным округом об обороне Либавы и Риги с суши, но тот был уверен, что немцы так далеко не пройдут. Неподготовленность сказалась. 25 июня неприятель прорвался к судостроительному заводу. Пришлось взорвать стоявшие на ремонте корабли и склады. Остатки защитников продолжали вести бои в окружении еще пять дней. В примечаниях к книге «На флотах боевая тревога» Николай Герасимович самокритично отмечал:

«Уже после войны я слышал замечания о нецелесообразности создания военно-морской базы в Либаве. Мне представляется, что основная ошибка заключается не в этом. В Либаве следовало иметь военно-морскую базу лишь для временного базирования небольших сил. Строительство же Либавской военно-морской базы не было увязано с планами сухопутного командования, и поэтому она оказалась плохо прикрытой с суши.

Беспорной ошибкой Наркомата ВМФ нужно признать развертывание в Либаве военно-морского училища противовоздушной обороны, за что мы и заплатились»⁴⁰.

В начале войны морская авиация обнаруживала в море неприятельские конвои с грузами для войск, продвигавшихся к Риге, а потом и далее, на Псков и Таллин. Однако не всегда было возможно выслать в море специально подготовленную минно-торпедную авиацию. Ее самолеты использовали для поддержки сухопутных войск. Когда В.Ф. Трибуц сообщал в Москву о ненормальности положения, из Наркомата ВМФ он получил указание: «Таллин, Ханко и острова Эзель и Даго удерживать до последней возможности». Удары по конвоям наносили теми силами и средствами, которые были под рукой. Оказалось, что опробованные на довоенных учениях согласованные действия авиации, подводных лодок и надводных кораблей в боевых

³⁸ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 12.

³⁹ Там же. С. 30–32.

⁴⁰ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 15.

условиях осуществлять не удавалось. Следовало учиться в боях уже без упрощений мирного времени⁴¹.

К счастью, германский флот слабо поддерживал действия сухопутных войск. Правда, в конце сентября в Або-Аландский район прибыли линкор «Тирпиц», тяжелый крейсер и несколько легких крейсеров. Крейсера стояли и в Либаве. Но этой морской группировке поставили иную задачу: не позволить прорваться кораблям Балтийского флота после захвата Ленинграда и Кронштадта в Северное море. Так крупные корабли германского флота и простояли на Балтике в бездействии.

Отмечая, что люди блестяще выдержали тяжелые испытания 1941 года, когда пришлось отходить от границы до Ленинграда, оставляя после героической обороны свои базы, Кузнецов писал, что в отличие от довоенных планов флоту пришлось заниматься делами сухопутными, к которым ранее готовились мало: «Конечно, если бы войска фашистской Германии были остановлены на наших границах, немецкому флоту пришлось бы действовать активнее. Тогда пригодились бы все варианты наших довоенных оперативных планов. Недостаточная же подготовленность к началу войны театра военных действий, неожиданное направление вражеских ударов подчас приводили нас к ряду ошибок в борьбе за свои районы и базы, а иногда ставили в исключительно тяжелое положение. Так, в конце июня, когда была захвачена Рига, кораблям отряда легких сил пришлось базироваться на не приспособленные для этого бухты, а затем отходить мелководным фарватером через Моонзунд. И все же командование Балтийского флота сумело под носом у противника углубить моонзундский фарватер и вывести через него крейсер «Киров» и многие другие корабли и суда. На поверку вышло, что гитлеровцы раньше времени прокричали о том, что им удалось «запереть большие силы красных в Рижском заливе»⁴².

К началу июля выявилась угроза Таллину. Главком Северо-Западного направления К.Е. Ворошилов приказал командованию Балтфлота выставить засаду сухопутных частей южнее Таллина, вести разведку и лишние корабли отправить на восток. Не располагая войсками, В.Ф. Трибуц мог выставить в качестве заслона лишь небольшие флотские подразделения. Не оставалось времени строить укрепления, ибо со стороны Риги уже двигались на Таллин войска противника. В воспоминаниях Н.Г. Кузнецов сокрушался, что не пришло в голову решение стянуть для обороны столицы Эстонии всю 8-ю армию. Однако в Наркомате ВМФ твердо решили оставить флагманский командный пункт именно в Таллине, ибо только оттуда можно было управлять гарнизонами на Ханко и на островах. Решение поддержал и Сталин, сказав: «Таллин нужно оборонять всеми силами». За лето удалось построить три линии обороны, основанные на заброшенных укреплениях времен Первой мировой войны. Части 10-го стрелкового корпуса, боевые корабли, береговая артиллерия, зенитная артиллерия и авиация флота остановили продвижение противника и заставили его подтянуть подкрепления. 19 августа неприятель перешел в наступление на первый оборонительный рубеж. Несмотря на значительные потери от огня корабельной и береговой артиллерии, гитлеровцы решительно продвигались вперед. 25–27 августа бои шли на последней линии обороны. В этой ситуации 26 августа Кузнецов получил разрешение Ставки вывести корабли и войска для обороны Ленинграда⁴³.

Переход прикрывали две подводные лодки южнее Хельсинки и морская авиация (от Кронштадта до острова Гогланд). Боевые корабли распределили на три отряда, которым предстояло прикрывать переход четырех конвоев на определенных участках маршрута. После полудня войска, оборонявшие Таллин, перешли в наступление, оттеснив противника местами до нескольких километров, и вернулись в Таллин для погрузки. Корабли и суда вышли на рейд

⁴¹ Там же. С. 23–24.

⁴² Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 29.

⁴³ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 41–47.

утром 28 августа. Отход войск и посадку на суда прикрывала корабельная и береговая артиллерия. На переходе неприятельские самолеты и торпедные катера наносили удары по судам конвоев. Но главную опасность представляли мины. После подрыва нескольких кораблей и судов В.Ф. Трибуц приказал до рассвета встать на якоря. Днем 29 августа отряд главных сил прибыл в Кронштадт. За ним постепенно подходили конвои. Всего на переходе из 195 кораблей, транспортов и вспомогательных судов погибло 53, в основном от мин. Из 23 тысяч бойцов на дно ушли 4 тысячи, однако боевое ядро флота и большая часть войск прибыли к цели и влились в оборону Ленинграда. В сентябре-октябре после упорной защиты были оставлены острова Моонзундского архипелага, на которые гитлеровцы осуществили несколько высадок десанта.

Ханко оставался последним пунктом, далеко оторванным от главных сил. Несмотря на сложное положение в полуокружении, защитники полуострова не только отбивали нападения противника, но и сами один за другим захватывали десантами окружающие островки. Держался и островок Осмуссар с сильными береговыми батареями. Лишь в конце ноября организовали вывоз войск с Ханко. К 2 декабря в Ленинград было переброшено более 22 тысяч из 27 тысяч защитников. В октябре и ноябре эвакуировали также 10 тысяч человек с Гогланда, Бьёркё и других островов Финского залива⁴⁴.

В общем, на приморских направлениях основным результатом действия флота явилась оборона портов и островов, задерживавшая на дни, недели и месяцы наступление противника и сорвавшая замысел «молниеносной» войны. Моряки приковали значительные силы неприятеля в критический период обороны Ленинграда. Именно потому Н.Г. Кузнецов уже 29 июня требовал оборонять как Моонзундский архипелаг, так и Ханко до последней возможности.

Среди неудач и отступлений следует отметить успешную деятельность морской авиации Балтийского флота, которая наносила удары по портам противника и ставила мины в его водах. Наиболее примечательным событием явилась бомбардировка Берлина. Она была задумана как ответ на первую бомбежку Москвы в конце июля. Рассчитали, что если самолеты с бомбовой нагрузкой пятьсот килограммов поднимутся с острова Эзель, то смогут пройти 900 километров до столицы Германии за три с лишним часа и вернуться. После проверок Кузнецов доложил Ставке, и Сталин утвердил предложение, но назначил наркома ВМФ ответственным за выполнение операции. Потребовалось время, чтобы 15 самолетов ДБ-3 перебросить на Эзель, завезти необходимые запасы горючего и авиабомб. В ночь на 8 августа после предварительной разведки бомбардировщики дошли до цели и сбросили бомбы. В Германии считали, что налет совершили англичане, однако английское радио сообщило, что 7–8 августа английская авиация на Берлин не летала. Всего за десять налетов на столицу Германии было сброшено 311 бомб, замечены 32 пожара. Сталин предложил брать на борт по две пятисоткилограммовые авиабомбы. Доводы Кузнецова, что самолеты со старыми моторами не способны выполнить такую задачу, он признал неубедительными. Однако попытки взлета с грузом в тонну кончились аварией двух самолетов, и более Сталин на повышении бомбовой нагрузки не настаивал⁴⁵.

В середине августа Кузнецов хотел выехать на Балтийский флот, но задержало наступление неприятеля под Одессой. Только в конце месяца он получил разрешение Ставки Верховного Главнокомандования. В Ленинграде нарком ВМФ осмотрел только что отремонтированный крейсер «Максим Горький». В то время формировали первые морские отряды для боев на суше. Часть экипажа крейсера могла пойти на фронт, однако не было оружия (винтовки передали ленинградскому народному ополчению). На кораблях даже начали изготавливать ножи и сабли. Тогда еще никто не знал, что балтийцам придется послать на берег свыше 125 тысяч человек, сформированных в семь бригад и другие подразделения. 30 августа Кузнецов побывал в Кронштадте и выслушал отчет о Таллинском переходе, 31 августа он прибыл на форт Крас-

⁴⁴ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 62–71.

⁴⁵ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 33–40.

ная Горка. Так как 8-я армия отступала, оборону у форта занимали моряки, но им не доставало оружия. Нарком пришлось дать разрешение отбирать оружие у неорганизованно отходивших бойцов. В дальнейшем моряки с помощью береговой и корабельной артиллерии удержали форт и плацдарм у Ораниенбаума, оказали большую помощь в обороне и наступлении. Можно считать, что именно артиллерия флота явилась основной силой, которая преградила неприятелю путь к Ленинграду.

В начале сентября германские войска у Ивановских порогов вышли к Неве. Кузнецов узнал об этом от женщины, позвонившей по городскому телефону в Смольный. На другом берегу реки строили береговые батареи моряки. Они и начинали борьбу с неприятелем, оставшимся за Невой до конца блокады. Вскоре морякам пришлось создавать Невскую морскую укрепленную позицию, высаживать десанты под Шлиссельбург⁴⁶.

Город оставался в критическом положении. Корабельная артиллерия составила основную огневую силу обороны. Гитлеровцы в сентябре бросили значительные силы авиации, которые тяжело повредили линкор «Марат»; имели повреждения и другие корабли. Когда после возвращения Кузнецов встретился со Сталиным, тот, выслушав доклад об обстановке, сказал, что положение исключительно серьезное, и приказал: «Составьте телеграмму командующему и отдайте приказание, чтобы все было подготовлено на случай уничтожения кораблей». Уже с конца августа на флоте готовили предварительный план минирования кораблей. Но решение о начале минирования было слишком серьезным. Николай Герасимович ответил, что его авторитета будет недостаточно, ибо флот подчинен Ленинградскому фронту и нужна подпись самого Верховного главнокомандующего. Сталин предложил подписать документ у начальника Генерального штаба, но и Б.М. Шапошников не решился. Он с Кузнецовым принес подготовленную телеграмму Сталину, однако тот телеграмму не подписал и оставил у себя. Позднее Николаю Герасимовичу пришлось напомнить о ней, когда в Москву пришла телеграмма, обвинявшая В.Ф. Трибуца в паникерстве и преждевременном минировании кораблей⁴⁷.

О том, какое международное значение имела судьба Балтийского флота, свидетельствуют обязательство англичан возместить ущерб в случае уничтожения его кораблей, и ответ Сталина, что ущерб должна возместить Германия⁴⁸.

В начале октября германское наступление поставило под угрозу столицу СССР. В первой половине месяца нарком ВМФ в соответствии с постановлением ГКО приказал выделить с флотов 35–40 тысяч моряков для формирования 25 морских стрелковых бригад. Он также приказал сформировать для обороны Москвы 5–6 бригад из состава моряков Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Подготовленный им проект решения ГКО был утвержден на заседании 18 октября 1941 года. Узнав о начале эвакуации Наркомата обороны, Кузнецов побывал в Ставке и получил указание вывезти Наркомат ВМФ, оставив в Москве минимум людей. Нарком отдал распоряжение перевести управления наркомата в Куйбышев и Ульяновск. Пришлось выехать на Волгу и Н.Г. Кузнецову, чтобы добиться помещений для эвакуированных работников штаба и узла связи. После возвращения он прибыл в почти пустое здание наркомата, где оставался Л.М. Галлер⁴⁹.

Для обороны Москвы использовали все возможные силы. Участвовали в ней и моряки. Еще в июне по запросу Генерального штаба Наркомат ВМФ начал формировать Особую артиллерийскую группу ВМФ из двух артиллерийских дивизионов с орудиями калибром 100–152 миллиметров. Они были развернуты под Вязьмой и Ржевом и погибли в октябрьских боях. 23

⁴⁶ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 75–76.

⁴⁷ Там же. С. 78–79.

⁴⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. М.: Изд-во политической литературы, 1986. С. 32.

⁴⁹ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 219.

октября нарком ВМФ приказал образовать в подчинении командующего войсками Московской зоны обороны первый морской отдельный отряд моряков, составленный из батальона охраны Наркомата ВМФ, батальона Московского флотского экипажа, гвардейского флотского дивизиона «катюш» и дивизиона противотанковых орудий. Такие сравнительно небольшие силы имели огромное значение, ибо Г.К. Жуков рассказывал, что для прикрытия опасных направлений набирал бойцов батальонами, ротами и даже десятками⁵⁰.

Вскоре под Москву прибыло несколько морских стрелковых бригад, укомплектованных преимущественно моряками, во главе с командирами, имевшими опыт командования на суше. Кузнецов вспоминал, что, несмотря на то что после боев и пополнения из других родов войск моряков оставалось немного, морские традиции в бригадах сохранялись. Благодаря совместным усилиям удалось остановить наступление немцев на Москву, а 5–6 декабря началось контрнаступление, в котором участвовали и морские бригады. Моряков отличало то, что они в атаке расстегивали ворот гимнастерки, чтобы были видны тельняшки.

Северный флот в 1941 году главным образом помогал сухопутным войскам защитить Мурманск. 29 июня 1941 года 19-й немецкий горнострелковый корпус вторгся с финской территории. Германское командование планировало овладеть Кировской железной дорогой, Мурманском, Полярным и всем бассейном Белого моря до Архангельска включительно, а также Карелией. Для этого были сосредоточены превосходящие силы немецких и финских войск и авиации. Участие кораблей флота в операции не предполагали. Однако 14-я армия при поддержке Северного флота не позволила гитлеровцам осуществить свои намерения⁵¹.

Северный флот имел 8 эсминцев, 15 подводных лодок и ни одного более крупного корабля. В ходе мобилизации его численность возросла лишь за счет вооруженных мирных судов. Тем не менее роль североморцев в обороне подступов к Мурманску оказалась значительно больше, чем роль германского флота в поддержке наступления. Моряки огнем артиллерии и высадками десантов сорвали замыслы противника.

Советское командование рассчитывало на помощь английского флота в Варангер-фьорде, по которому проходили основные коммуникации германской группировки под Мурманском. 30 июля английская авиация с авианосцев нанесла удар по Киркенесу и Петсамо, на север прибыли две подводные лодки и несколько тральщиков для обеспечения проводки конвоев. Но помощь союзники ограничились преимущественно поставками. Осенью 1941 года, после Московской конференции трех союзных держав, началось движение конвоев по Баренцеву морю в незамерзающий Мурманск. Путь этот пролегал в зоне действий германских подводных лодок и авиации, действовавших с баз в Норвегии. Требовалось организовать обеспечение безопасности перевозок. Потому в октябре 1941 года Кузнецова вызвал Сталин и поручил спешно отправиться на Северный флот, чтобы выяснить, все ли подготовлено для встречи конвоев. Нарком выехал в Архангельск, где с А.Г. Головкин обсудил, какие силы выделить для обеспечения проводки конвоев и каков должен быть порядок взаимодействия с англичанами, как в осенне-зимнее время использовать Архангельский порт. В этот период неприятель еще не организовал борьбы с конвоями, и транспорты осенними ночами прибывали к цели почти без потерь.

Если другие флоты только оборонялись, Черноморский флот и Дунайская флотилия в начале войны даже переходили в наступление. Первоначально флот действовал традиционно. Входы в базы прикрыли минными заграждениями. Подводные лодки вышли на патрулирование к неприятельским берегам. Морская авиация наносила удары по объектам в Румынии. Основ-

⁵⁰ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 86, 89–91.

⁵¹ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 219–223.

ными целями стали нефтяные месторождения в Плоешти и порт Констанца, через который вывозили нефть в Германию. Обстрел Констанцы осуществили и надводные корабли. Дунайская флотилия, отразив нападение, сама высадила десант на румынский берег. Командование ожидало от неприятеля высадки крупного воздушного десанта в Крыму по образцу захвата Крита. И действительно, Гитлер в приказе от 21 августа объявил одной из важнейших целей наступления на юге захват Крыма с его аэродромами. Однако задачу эту решали силами сухопутных войск.

Первые недели, пока неприятельские войска двигались сравнительно далеко, основными оставались традиционные вопросы. Подрыв на магнитных минах эсминца «Быстрый» и других судов вызвал необходимость изучить устройство этих мин и найти средства для борьбы с ними. Сотрудничество моряков с учеными позволило разработать магнитные тралы, а также ввести систему размагничивания для боевых кораблей.

22 июня 1941 года нарком ВМФ Кузнецов предписал ставить минные заграждения перед черноморскими портами. Это требование вытекало из того, что в Москве опасались появления на Черном море итальянского флота или нападений румынских и германских кораблей с целью выставить мины на подступах к портам. Мины, выставленные за июнь – июль, стали причиной затруднения для отечественного судоходства, на них погибло несколько кораблей и судов.

Сам Кузнецов считал, что потери на своих минных полях происходили из-за плохой организации переходов судов и слабой подготовки лоцманов⁵². В одной из книг своих мемуаров он писал, отвечая тем, кто критиковал минные постановки у черноморских портов при отсутствии опасности от неприятельских флотов:

«Бесспорно одно: минировать нужно продуманно. Следует помнить, что мины – угроза не только противнику, но и своим кораблям, что рано или поздно их придется тралить, что штормы срывают их и тогда они носятся по воле волн.

Я и теперь придерживаюсь мнения, что с оперативной точки зрения постановка оборонительных минных заграждений около своих баз не только на Черном море, но и на Дальнем Востоке была правильной. По идее своей минные поля не могут представлять сколько-нибудь серьезной опасности для плавания и в то же время дают почти полную гарантию командованию от появления в этих местах ночью или в тумане кораблей противника... Постановка минных полей, конечно, требовала ходить строго по фарватерам.

Считать применение такого мощного оборонительного оружия, как мины, неправильным лишь из-за того, что с ним прибавилось забот, – значило бы признавать свое неумение обращаться с ним»⁵³.

Тогда же, в июне-июле 1941 года, по данным разведки, на Черное море прибыли 10–12 итальянских подводных лодок и ожидали появления итальянских надводных кораблей и судов с десантом. Сообщали и о деятельности на Черном море германских подводных лодок. Поэтому, кроме минных постановок, Черноморскому флоту пришлось организовать патрулирование подступов к важнейшим портам. 7 июля нарком ВМФ, опираясь на данные разведки, даже приказал выставить в Керченском проливе сети, чтобы неприятельские подлодки не прошли в Азовское море. Разведанные, поступавшие в Москву из Севастополя, дезориентировали командование ВМФ. Ожидали высадку морского и воздушного десанта. 13 июля Кузнецов предупредил Военный совет Черноморского флота о возможных активных действиях противника на Черном море. Он писал, что «...оборона побережья на ближайшие дни должна считаться основной задачей Черноморского флота»⁵⁴. Только позднее стало известно, что неприятельские войска двигались сравнительно далеко, основными оставались традиционные вопросы.

⁵² Широкоград А.Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. М.: Вече, 2011. С. 99–100.

⁵³ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 105.

⁵⁴ Широкоград А.Б. Адмирал Октябрьский против Муссолини. С. 69–82.

тель в 1941 году не собирался действовать на море, а добивался победы сухопутными войсками и авиацией.

Обстрел Констанцы, который проводили под огнем неприятельских батарей на минных полях два лидера эсминцев, привел к гибели одного из них и повреждению второго. Позднее Кузнецов отмечал, что следовало по опыту предвоенных учений обстреливать цели на берегу дальнобойной артиллерией крейсеров из-за пределов минного поля. Так и действовали далее⁵⁵.

Несмотря на то что Черноморский флот по мощи превосходил все морские силы его противников на театре, он оказался в сложном положении из-за того, что к обороне баз с сухопутного направления черноморцы готовились мало.

В первые же дни войны командующий Одесской военно-морской базой контр-адмирал Г.В. Жуков получил приказ немедленно строить оборону со стороны берега. До того защитой Одессы служили минные заграждения, береговые батареи и корабли. 19 июля Ставка Верховного Командования преобразовала Приморскую группу войск, которая все еще удерживала государственную границу, в Приморскую армию. Командующий армией Г.П. Софронов получил задачу от Г.К. Жукова: «Положение на Южном фронте трудное. Не исключено, что этой армии придется, увязывая свои действия с Черноморским флотом, остаться в тылу противника. Конкретно – в районе Одессы. Одессу нам нужно удерживать, не дать врагу использовать ее как свою базу на Черном море». В тот же день армия начала отход с боями к Днестру и удерживала этот рубеж до конца июля. 26 июля Кузнецов направил в адрес Военного совета Черноморского флота телеграмму с требованием удерживать Одессу до последней возможности, а также готовить береговые батареи к стрельбе по суше и учить их взаимодействовать с авиацией и кораблями.

15 августа войска оставили Николаев, в котором были собраны Дунайская флотилия и недостроенные боевые корабли. Их пришлось уводить своим ходом или на буксире в порты Азовского моря, а потом на Кавказ.

Когда противник прорвал фронт и отрезал Приморскую армию, та отошла на передовые рубежи под Одессой. 5 августа началась 73-дневная оборона. Захват Одессы гитлеровцы возложили на 4-ю румынскую армию, составлявшую половину вооруженных сил Румынии. Однако эта задача оказалась румынам не по силам, и 24 сентября румынский диктатор И. Антонеску обратился к Гитлеру с просьбой поддержать его войсками и авиацией.

В воспоминаниях, возвращаясь к Одессе, Н.Г. Кузнецов считал ее примером «тесного взаимодействия вооруженных сил»: «Можно с уверенностью сказать, что Приморская армия не удержала бы Одессу столько времени без моряков, но и сравнительно малочисленные флотские части тоже не смогли бы заполнить всю линию обороны и долго защищать город. Я не говорю уже о том, что значили в те дни боеприпасы и продовольствие, которые доставляли сражавшимся черноморцы...»⁵⁶

Первоначально существовало два командования: Отдельной Приморской армии, подчиненной Южному фронту, и командования Одесской военно-морской базы. Даже когда в начале августа Приморская армия была отрезана от главных сил Южного фронта и Кузнецов предложил назначить руководителем обороны командира военно-морской базы Г.В. Жукова, решение не приняли. Лишь 19 августа, после того как вновь Кузнецов предложил объединить командование, решили организовать Одесский оборонительный район (ООР) под руководством контр-адмирала Жукова. В его подчинении оказались и Приморская армия, и военно-морская база. Благодаря такой структуре город получал всемерную помощь флота. Корабли поддерживали огнем действия сухопутных войск, перевозили подкрепления, с них высадили десант под Григорьевкой 22 сентября. Своевременно принятые меры помешали противнику

⁵⁵ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 110.

⁵⁶ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 115.

захватить город и в августе, и в сентябре 1941 года. Одесса могла продолжать оборону. Однако появилась угроза Крыму и Севастополю.

Угроза Крыму возникла уже 12 сентября 1941 года, когда морская батарея у Перекопа сделала первые выстрелы по войскам 11-й армии неприятеля. Главную базу флота с моря обороняли береговые батареи и минные заграждения. Сухопутную оборону города начали строить только летом 1941 года. В сентябре были готовы сотни дотов, дзотов и окопов, но для их обороны следовало иметь 10 тысяч человек. Флот мог выделить половину. Севастополю требовались сухопутные войска. Именно такие обстрелянные войска и могла предоставить Приморская армия. 29 сентября Ставка приняла решение оставить Одессу. В тот же день Кузнецов передал Военному совету Черноморского флота приказ подготовиться к эвакуации, 30 сентября послал телеграмму с рядом практических указаний, основанных на опыте Таллинского прорыва. Так как приказ поступил заблаговременно, эвакуация прошла удивительно спокойно и незаметно. Почти без потерь последним рейсом вывезли более 30 тысяч войск прикрытия. Кузнецов вспоминал: «Войска отошли настолько скрытно, что, когда последний эшелон уже вышел из порта, румыны все еще боялись двинуться к городу»⁵⁷.

Пока Приморская армия не прибыла, частям 51-й армии, занимавшим оборону на Перекопском перешейке, флот предоставил зенитную и береговую артиллерию, поддержку авиации и Азовской флотилии, 7-ю бригаду морской пехоты. Так как моряки играли большую роль в Крыму, в трудный период Ставка назначила командующим войсками Крыма заместителя наркома ВМФ вице-адмирала Т.П. Левченко. Но исправить критическую ситуацию не удалось. Кузнецов сетовал: «Перечитывая документы того периода, относящиеся к обороне Крыма, я снова и снова прихожу к выводу, что мне, как Наркому ВМФ, надлежало более настойчиво ставить перед правительством вопрос об организации единого командования в Крыму на случай войны»⁵⁸.

Когда войска 11-й немецкой армии прорвали Ишуньские позиции, 51-я армия отступила на Керченский полуостров под давлением противника, который старался отрезать пути отхода советских войск. 28 октября командующий Черноморским флотом Ф.С. Октябрьский отбыл на Кавказ, чтобы готовить базы для перевода кораблей. Приморская армия еще двигалась к Севастополю. Так как наличных сил на позициях (около 12 тысяч человек) оказалось недостаточно, пришлось сформировать батальоны на базе училищ и эвакуированных гарнизонов Евпатории и Тендры.

30 октября береговая батарея № 54 открыла огонь по немецкой танковой колонне. Началась оборона города. В ноябре неприятель наступал на Севастополь, но его отражали защитники. Постепенно к городу прибывали измотанные войска Приморской армии. Несколько дней потребовалось на переформирование. 9 ноября оборона была организована. Левченко назначил командовать Севастопольским оборонительным районом командующего Приморской армией И.Е. Петрова, хотя командующий флотом Ф.С. Октябрьский уже прибыл в главную базу. В начале ноября вице-адмирал Октябрьский получил разрешение Главного морского штаба и наркома ВМФ перевести все силы, не нужные для обороны Севастополя, на Кавказ. Но Октябрьский 4 ноября послал Сталину и Кузнецову телеграмму, в которой официально предлагал перенести командный пункт в Туапсе, оставив руководителем обороны Севастополя Г.В. Жукова. 6 ноября в телеграмме Сталину он сообщал, что вывел основные силы флота из Севастополя. В тот же день поступила телеграмма Левченко об организации Севастопольского и Керченского направлений; на обоих направлениях командование он передал армии и считал допустимым, чтобы Военный совет флота руководил с кавказского побережья.

⁵⁷ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 125.

⁵⁸ Там же. С. 132.

Кузнецов выступил против смены командования перед штурмом главной базы; он считал, что только командующий флотом способен руководить обороной Севастополя, и послал соответствующую телеграмму в Генеральный штаб. Б.М. Шапошников согласился с ним. 7 ноября завизированный им и Кузнецовым проект директивы был подписан Сталиным и направлен на имя Левченко. В соответствии с директивой Левченко следовало оставаться в Керчи, а руководство обороной Севастополем возлагали на Ф.С. Октябрьского, которому следовало иметь в Туапсе начальника штаба флота. Главной задачей флота стала активная оборона Севастополя и Керченского полуострова, чтобы связать силы неприятеля и не позволить ему переправить войска на Таманский полуостров. Старым крейсерам и эсминцам следовало действовать под Севастополем и в Феодосийском заливе для поддержки сухопутных войск. В помощь армии было разрешено использовать линкор, новые крейсера и Азовскую флотилию. Большую часть авиации следовало перевести на аэродромы Северо-Кавказского военного округа и действовать с них по целям в Крыму. Предстояло эвакуировать из Севастополя и Керчи все лишнее для обороны. Сам нарком ВМФ 7 ноября послал телеграмму Военному совету Черноморского флота с призывом защищать упорно главную базу флота⁵⁹.

В своих воспоминаниях Н.Г. Кузнецов особо остановился на боязни командующих различными флотами потерять дорогостоящие корабли. В результате такой боязни противник получал преимущество, активно используя свои силы. Потому Николай Герасимович считал вполне правильным рисковать линкором и крейсерами для обороны Севастополя, тогда важнейшей задачи. Разумеется, следовало использовать их разумно. Крейсер «Червона Украина» погиб от налета германской авиации после того, как несколько дней стоял на одном месте в бухте, тогда как другие корабли, появлявшиеся в Севастополе для обстрела и сразу уходившие в море, не получали заметных повреждений от действия авиации. Кузнецов писал: «...Мне представлялось правильным артиллерийские корабли уводить в последнюю очередь, хотя их и могла уничтожить авиация противника. Впоследствии, когда военные годы остались позади и оборона Севастополя стала историей, а опытом уже было проверено, как в свое время нужна была корабельная артиллерия для защиты побережья Кавказа, приходилось выслушивать по этому поводу критику в свой адрес. Но я и теперь считаю, что действовал правильно»⁶⁰.

11 ноября 11-я немецкая армия предприняла решительный штурм Севастополя. Защитники при поддержке с моря успешно выдержали натиск, и 21 ноября штурм прекратился. Противник не смог взять город с ходу и приступил к осаде.

В ходе кампании 1941 года потребовалось широко использовать для взаимодействия с сухопутными войсками флотилии, как те, что существовали до войны, так и заново организованные.

В ноябре 1941 года Кузнецов побывал в Архангельске. Кроме проблемы защиты союзных конвоев на переходе, потребовалось прикрывать грузы в портах Мурманске и Архангельске от германских атак с воздуха. Рано наступавшая зима потребовала срочно приготовить ледоколы. Этим занималась Беломорская военная флотилия, обеспечивавшая перевозки на севере.

Кроме Беломорской, в 1941 году действовало еще несколько военных флотилий. Одной из первых потребовалось восстановить Ладожскую военную флотилию, которую расформировали после заключения мирного договора с Финляндией. Первоначально флотилия взаимодействовала с сухопутными войсками, а с 12 сентября, когда начались перевозки для блокированного Ленинграда по Ладожскому озеру, основной задачей моряков стало поддержание Дороги жизни, как эту трассу, проходившую летом по воде, а зимой – по льду, называли ленинградцы. Только с 12 сентября по 1 декабря по ней перевезли 40 тысяч человек и более 60

⁵⁹ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 137–140.

⁶⁰ Там же. С. 137.

тысяч тонн грузов. Уже налаживали ледовую трассу, а суда продолжали пробиваться сквозь замерзающие воды озера. Несмотря на обстрелы артиллерии и атаки авиации, несмотря на потери, моряки Ладужской флотилии выполняли свой долг. Суда флотилии в ноябре перебросили войска, которые позволили восстановить фронт у Волховстроя. Важность трассы оказалась такова, что ее действия проходили под контролем Ставки, а начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников в октябре 1941 года передал Кузнецову слова Сталина, что необходимо увеличить перевозки и уменьшить потери⁶¹.

С 7 августа до начала осеннего ледостава действовала Онежская военная флотилия, сформированная для поддержки сухопутных войск. Дунайская флотилия оказалась единственной, которая не только не отступала в первые дни войны, но даже перешла в наступление. После отхода с Дуная флотилия не исчезла, ее ядро послужило основой для Азовской флотилии.

Особенно сложно оказалось воевать морякам Пинской военной флотилии. Она была в 1939 году преобразована из Днепровской, когда границу переместили на запад после присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии. По предложению Наркомата ВМФ речные корабли передвинули ближе к новой границе, а командование флотилии расположили в Пинске. Киев, который являлся прежней базой, считали тыловым городом. Морякам флотилии пришлось принять бой на стыке групп германских армий «Юг» и «Центр». Зачастую из-за ненадежной связи моряки флотилии под командованием Д.Д. Рогачева действовали самостоятельно, поддерживая части Красной армии. Последние бои флотилия вела 15–19 сентября под Киевом, в окружении. 5 октября Н.Г. Кузнецов с горечью подписал приказ о расформировании флотилии. Но ее личный состав продолжил борьбу. Расстреляв снаряды, моряки взорвали корабли, воевали на суше; часть их через линию фронта вернулась на флот⁶².

Дальний Восток располагался вдали от линии фронта. Однако Тихоокеанский флот оставался в боевой готовности. Договор о нейтралитете с Японией, подписанный 13 апреля 1941 года, не мог служить гарантией безопасности, как и договор о ненападении с Германией. Только необходимость нанести поражение США и овладеть источниками природных ресурсов в Юго-Восточной Азии сдерживала японцев; на Советский Союз они планировали напасть после успешного завершения войны на Тихом океане. 8 декабря 1941 года Япония объявила о закрытии для мирного судоходства проливов Лаперуза, Сангарского и Корейского, которые она объявила «морскими оборонительными зонами». Японцы топили и захватывали советские суда. Поэтому тихоокеанцам следовало быть начеку. Кузнецову удалось добиться у правительства разрешения поставить минные заграждения; постановки у Владивостока и других военно-морских баз начали только после 12 июля. Минные постановки не привели к политическим осложнениям: Япония готовилась воевать против США. А командованию Тихоокеанского флота было спокойнее укрываться за минно-артиллерийскими позициями.

Нападение японцев на Пёрл-Харбор заставило США вступить в войну. Однако первоначально это мало повлияло на советско-германскую войну, да и опасность со стороны Японии хотя и ослабела, но не исчезла совсем.

По-прежнему в Европе Красная армия вела войну против гитлеровцев в одиночку. Но к новому году положение на фронтах было стабилизировано. Под Москвой германские войска отбросили далеко на запад. На Балтике с помощью флота возникла прочная оборона Ленинграда. На Севере удалось остановить наступление на Мурманск. Переоценив успехи и возможности, Ставка Верховного Главнокомандования сама решила перейти в наступление. Первой целью для флота стал Керченский полуостров.

⁶¹ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 284–286.

⁶² Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 290–295.

Нарком ВМФ узнал о том, что намечено вторжение войск Закавказского фронта на Керченский полуостров, только в 20-х числах ноября. Главный морской штаб немедленно приступил к расчетам. Времени на подготовку оказалось недостаточно, но командование Закавказского фронта, Черноморского флота и Азовской флотилии подготовило план, утвержденный 7 декабря Ставкой. Кроме высадок десантов у Керчи и у горы Опук, по предложению флота наметили десант в порту Феодосии⁶³.

17 декабря гитлеровцы предприняли решительный штурм Севастополя. Защитникам при поддержке флота удалось остановить неприятельский натиск. Потребовалось отвлечь часть сил от десанта у Керчи и Феодосии для помощи Севастополю. Поэтому высадку пришлось проводить по частям: 26 декабря на северное и восточное побережье и у горы Опук, а 29 декабря – в Феодосии. В результате решительных действий войска 44-й армии освободили Феодосию, а 51-я армия оттеснила противника с Керченского полуострова. Командованию германских войск пришлось прекратить второй штурм Севастополя и перебросить подкрепления под Керчь. Н.Г. Кузнецов высоко оценил значение Керченско-Феодосийской десантной операции. Однако без резервов возможности развить успешную высадку не оказалось. Противник, подтянув войска, в январских боях вернул Феодосию и потеснил части 51-й армии. Кузнецов писал в мемуарах: «... Об этом поучительном примере полезно вспомнить. Внезапный захват города с моря – дело великое, но он далеко еще не венчает выполнения всего задуманного плана. Опыт показывает: удержать захваченный подобным образом город или район побережья иногда бывает не легче, чем занять»⁶⁴.

Новый 1942 год Н.Г. Кузнецов встречал дома с женой, которая приехала из Куйбышева, и командующим ВВС Красной армии П.Ф. Жигаревым. Оба военачальника поздравили с Новым годом Сталина. Все были уверены, что впереди год перемен. Сталин в беседе с Г. Гопкинсом, специальным представителем президента США, назвал победу под Москвой началом коренного перелома в войне. Николай Герасимович, как и другие советские люди, был уверен, что Красная армия перейдет в наступление, и в первую очередь войска, высаженные на Керченском полуострове, смогут деблокировать Севастополь и освободить Крым. К началу года восстановили работу государственного аппарата. Главный морской штаб уверенно управлял действиями флота и готовил планы участия флота в намеченных наступательных операциях⁶⁵.

Однако у гитлеровского командования оказались прямо противоположные планы: как можно быстрее овладеть Севастополем, чтобы без помех развернуть наступление на юге. В результате не Красная армия, а германские войска весной 1942 года перешли в наступление, и пришлось от планов наступательных перейти к планированию обороны. Позднее Николай Герасимович писал: «События 1942 года показали, что при более осторожной и точной оценке сил противника, учете нехватки техники в нашей армии в начале 1942 года и уровня подготовки войск нам следовало планировать наступательные операции в более скромных масштабах и тщательнее готовиться к тому, чтобы измотать врага в оборонительных боях, если он предпримет наступление. Чего бывает достаточно для обороны, может оказаться мало на случай наступления! Переход Красной Армии к обороне летом 1942 года совершался в обстановке, не выгодной для нас, при значительном превосходстве сил противника. Потребовались огромные усилия, чтобы остановить его, разгромить под Сталинградом и вынудить к отступлению на других участках фронта. Возможности наших Вооруженных Сил в то время были еще недостаточными, чтобы вести стратегическую оборону и одновременно проводить крупные наступления»⁶⁶.

⁶³ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 146–147.

⁶⁴ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 150.

⁶⁵ Там же. С. 156–157.

⁶⁶ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 157–158.

В январе-феврале 1942 года германская авиация наносила такие удары по транспортам, идущим в Севастополь, что пришлось доставлять грузы и пополнения в осажденный город на боевых кораблях. К этому времени возникли проблемы с управлением действиями флота, ибо штаб находился на Кавказе, а командующий Черноморским флотом – в Севастополе. В начале марта Н.Г. Кузнецов доложил лично Сталину о необходимости назначить руководителем обороны Главной базы человека, знакомого со спецификой флота, и предложил направить командующим Севастопольским оборонительным районом генерала С.И. Кабанова, ранее руководившего обороной Ханко. Верховный главнокомандующий уклонился от ответа. В начале апреля начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников предложил кандидатуру И.Е. Петрова. В конце апреля Ф.С. Октябрьский на вопрос Кузнецова, согласен ли он, что во главе СОР должен быть моряк, после раздумий ответил отрицательно. И позднее этот вопрос вызывал споры. В воспоминаниях Н.Г. Кузнецов отмечал, что общевойсковой начальник может командовать обороной морской базы, если большая часть действий происходит на суше. Так было на Ханко. В Одессе руководство оставалось за моряками. Кузнецов делал вывод, что успех зависел от личных качеств военачальника, а не от рода войск, к которому он принадлежал⁶⁷.

23 апреля 1942 года Кузнецов вылетел в Краснодар с С.М. Буденным, которого назначили главкомом Северо-Кавказского направления. Прибывший на следующий день Ф.С. Октябрьский доложил о состоянии Черноморского флота. По его мнению, Севастополь должен был устоять, и командующий просил лишь не отвлекать значительные силы Приморской армии для наступления на Симферополь. Побывав в Новороссийске, нарком с Буденным 27 апреля вылетел на Керченский полуостров. Командовавший войсками генерал-лейтенант Д.Т. Козлов доложил о состоянии дел, но вскоре в разговор вмешался представитель Ставки Л.З. Мехлис. Он полностью отрицал возможность успешного наступления немцев и отхода наших войск. К этому времени уже дважды была изменена дата наступления в Крыму. Не хватало транспортных средств, медленно шла разгрузка⁶⁸.

Пока продолжалась подготовка, противник сам перешел в наступление на Керченском полуострове. Кузнецов узнал об этом 8 мая в Потти. Немедленно нарком вылетел на гидросамолете в Новороссийск, затем выехал в Краснодар. Член Военного совета Северо-Кавказского направления адмирал И.С. Исаков сообщил ему, что части 11-й германской армии стараются ликвидировать Керченский плацдарм, чтобы повернуть все силы на Севастополь. Сталин 11 мая через Шапошникова вызвал Кузнецова в Москву. Он приказал Буденному и Исакову выехать на Керченский полуостров. Подступы к плацдарму не были укреплены так, как в Севастополе, и штабу пришлось укрыться в каменоломнях. Так как войска не имели резервов, они не смогли долго сопротивляться натиску противника. Сразу же после прибытия в Керчь после совещания с командующим фронтом Д.Т. Козловым, Мехлисом и другими было принято решение прекратить перевозки грузов для Крымского фронта, весь свободный тоннаж с конвоем из катеров и тральщиков направить в Керчь, немедленно начать эвакуацию тяжелой артиллерии. Исаков распорядился выслать все суда, находившиеся поблизости, вне зависимости от ведомственной принадлежности. 19 мая через Керченский пролив переправили последние части из 120 тысяч эвакуированных войск. Однако в Аджимушкайских каменоломнях до октября 1942 года продолжали сражаться тысячи бойцов⁶⁹.

Ожидали, что противник сразу постарается форсировать Керченский пролив и вторгнется на Таманский полуостров. Однако немецкое командование решило сначала окончательно овладеть Крымом. 7 июня начался третий штурм Севастополя. Неприятель располагал большим превосходством в силе и технике. Перед наступлением неприятельская авиация и артил-

⁶⁷ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 153–156.

⁶⁸ Там же. С. 160–162.

⁶⁹ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 164–166.

лерия пять дней наносили удары по позициям защитников. Несмотря на такую подготовку, гитлеровцы не могли первые дни заметно продвинуться. Захваченные ими пункты Севастополицы отбивали в контратаках, восстанавливали разрушенные укрепления.

Севастопольская авиация действовала под огнем артиллерии и бомбежками. Неприятельские торпедные катера и самолеты блокировали Севастополь с моря. В результате значительных потерь в судах грузы и пополнения доставляли на боевых кораблях, потом пришлось ограничиться доставкой самого необходимого на быстроходных кораблях, самолетах и даже подводных лодках. Флот мог принять на свои аэродромы сотню самолетов, перевезти танки, но их не доставало: начиналось наступление неприятеля в направлении Сталинграда. О трудностях с вооружением свидетельствует телеграмма Н.Г. Кузнецова в Ставку с просьбой выслать 5 тысяч винтовок для моряков⁷⁰.

30 июня Кузнецов получил телеграмму Ф.С. Октябрьского о том, что в Севастополе идут уличные бои и более 2–3 дней продержаться невозможно. Нарком ВМФ связался по телефону со Сталиным и получил его разрешение на эвакуацию. 1 июля Военный совет Черноморского флота вылетел в Новороссийск с последнего аэродрома. Однако до 12 июля не имевшие возможности эвакуироваться защитники Главной базы продолжали вести бои⁷¹.

Позднее И.С. Исаков сказал в разговоре Н.Г. Кузнецову, что, если бы эвакуацию продумали и подготовили заранее, вероятно, удалось бы спасти больше людей и ценностей. Однако возможно ли было в условиях того времени заранее ставить вопрос о подготовке эвакуации, когда следовало драться до последней возможности? Только героическая оборона смогла удержать надолго 11-ю германскую армию в Крыму и не позволить использовать ее при наступлении на Кавказ и к Волге. А это сыграло важную роль в крушении гитлеровских планов⁷².

В условиях господства противника в воздухе невозможно оказалось повторить тот вариант, который получился в Одессе. К моменту эвакуации из Одессы защитники еще далеко не исчерпали возможности обороны. Севастополицы обратились с телеграммой именно тогда, когда дальнейшую борьбу продолжать стало невозможно. Они выполнили приказ драться до последнего. Возможности прикрыть эвакуацию у них не оставалось. Поэтому спастись и добраться до Кавказа удалось немногим.

После взятия Севастополя германские войска развернули наступление на Кавказ и Сталинград. Важнейшими целями для них стали Новороссийск и Туапсе – порты, необходимые для снабжения. Однако здесь гитлеровцев ждало разочарование. Несмотря на то что германская авиация еще с весны бомбила Новороссийск (один из этих налетов видел сам Кузнецов 26 апреля 1942 года), неприятель не заставил отказаться от использования порта. Неудачные бои на Керченском полуострове побудили Ставку принять меры к обороне Таманского полуострова и подступов к Новороссийску и Туапсе. И хотя неприятель не форсировал пролив вслед за отступившими войсками Крымского фронта, укрепления пригодились в августе, когда встала угроза Кавказу. Сталин сказал Кузнецову: «Немцы не должны завладеть Новороссийском». 17 августа был создан Новороссийский оборонительный район (НОР), а в конце месяца ему уже пришлось принять натиск противника. Город защищали совместно войска армии и моряки. Ценой больших потерь гитлеровцам удалось взять почти весь город, но советские войска удержали берег Цемесской бухты на окраине Новороссийска. Артиллерия простреливала акваторию. Из-за этого противнику так и не удалось воспользоваться портом. Туапсе гитлеровцам вообще не удалось взять. Их остановили на Гойтхском перевале⁷³.

⁷⁰ Там же. С. 170.

⁷¹ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 180–181.

⁷² Там же. С. 182–183.

⁷³ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 185–189.

На Севере фронт стабилизировался. Более того, для отвлечения внимания противника от проведения наступательных операций на других участках фронта, в первую очередь в Крыму, наметили провести небольшое наступление: силами 14-й армии прорвать фронт на рубеже реки Большая Лица и двинуться на запад. Для содействия наступлению 28 апреля высадили десант на мысе Пикшуев, который занял значительный плацдарм. Однако 14-я армия не смогла продвинуться, и десанту пришлось перейти к обороне. Флот продолжал артиллерийским огнем кораблей и береговых батарей поддерживать сухопутные войска⁷⁴.

Так как оборону Полярного и Кольского заливов Ставка возложила по предложению Наркомата ВМФ на Северный флот, в конце июля 1942 года организовали Северный оборонительный район под командованием генерал-лейтенанта береговой службы С.И. Кабанова. Организация СОР способствовала улучшению взаимодействия с 14-й армией. Линия фронта практически не менялась. Это позволило флоту заниматься традиционными задачами.

Одной из важнейших явилась борьба по пресечению коммуникаций противника. В условиях бездорожья грузы и подкрепления германским войскам можно было подвозить только морем. Для борьбы с судоходством использовали в первую очередь подводные лодки, сведенные в бригаду из четырех дивизионов во главе с опытными командирами. Подводники, действуя вдоль широкой полосы побережья, вынуждали противника расплывать противолодочные силы. Они не только патрулировали на позиции в море, но и прорывались в неприятельские базы. Подводные лодки Северного флота пользовались торпедным оружием, ставили мины на фарватерах, которыми ходили вражеские суда, а при необходимости использовали и корабельную артиллерию. Подводные лодки Д-3, К-22, М-171, М-174 первыми в советском ВМФ получили звания гвардейских. Наряду с подводниками на коммуникациях противника действовали торпедные катера, эсминцы, а также авиация. Уже к зиме 1941/42 года неприятель почувствовал необходимость защищать свои перевозки. С декабря он начал минные постановки, чтобы преградить путь подводным лодкам к судоходным путям. Суда стали идти под прикрытием кораблей и авиации. В результате советские подводники, в 1941 году не имевшие потерь, за 1942 год лишились девяти подводных лодок⁷⁵.

Зимой 1941/42 года германское командование перевело на Север линкор «Тирпиц» и другие крупные корабли, увеличило до 520 число самолетов. Однако вырос и состав Северного флота за счет кораблей и самолетов, переброшенных с других флотов. Соотношение сил менялось в пользу Северного флота. Все было сделано, чтобы флот мог выполнять наиболее важную теперь задачу – обеспечение проводки конвоев. Кроме внутренних конвоев, позволявших доставлять необходимые грузы в заполярные порты Сибири, предстояло охранять конвои, прибывавшие из-за границы с военными грузами.

1942 год стал началом массовых перевозок военных грузов союзников через северные моря. В этот период Кузнецову не раз приходилось разговаривать с английскими и американскими морскими представителями. Все чаще разговоры касались конвоев. Для обеспечения их переходов в Архангельске и Мурманске работали английские и американские представители.

Конвои 1941–1943 годов формировали в портах Лох-Ю, Скапа-Флоу (Англия) и Рейкьявик (Исландия). В 1942 году численность судов в конвоях доходила до сорока. Конвои шли мимо островов Ян-Майен и Медвежий в Мурманск и Архангельск. Корабли от эсминца и ниже осуществляли круговое охранение судов от нападения подводных лодок и авиации. Ближнее прикрытие от надводных кораблей противника осуществлял обычно отряд крейсеров. При необходимости защитить конвой от нападения крупных кораблей неприятеля создавали отряд дальнего прикрытия из крейсеров, линкоров и авианосцев. Союзники обеспечивали переход до подступов к советским портам. Осенью 1942 года была установлена разграничительная линия

⁷⁴ Там же. С. 231–232.

⁷⁵ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 236–239.

по меридиану 18 (позднее 20) градусов, за которой лежала зона ответственности Северного флота. Командование флота самостоятельно решало конкретные вопросы движения конвоев с отделениями английской морской миссии в Полярном и Архангельске; те имели свои радиостанции и сообщали советскому командованию о выходе и перемещении конвоя⁷⁶.

С наступлением весны и полярного дня потери возросли до 10 процентов состава судов, тем более что гитлеровцы, понявшие, что блицкриг не получился, выделили значительные силы для борьбы с северными конвоями. Черчилль считал, что необходимо прервать отправку конвоев до наступления полярной ночи. Под его влиянием британское адмиралтейство пыталось прекратить посылать суда. Кузнецову не раз приходилось сообщать в Ставку Верховного Главнокомандования о таких попытках. Он же готовил проекты телеграмм советскому представителю в Англии или непосредственно Черчиллю.

Скандалный случай произошел летом 1942 года с конвоем PQ-17. 34 транспорта с охранением оставили Исландию 27 июня. Отряд адмирала Гамильтона из 4 крейсеров и 3 эсминцев прикрывал конвой от надводных кораблей. Для дополнительного прикрытия конвоя сосредоточили линкоры «Дюк оф Йорк» и «Вашингтон», авианосец «Викториес», 2 крейсера и 14 эсминцев адмирала Д. Тови. Советские подводные лодки развернули в линию на случай выхода «Тирпица» в море. Сил было достаточно даже на случай появления мощного германского линкора. Более того, существовал замысел заманить «Тирпиц» под удар линейных кораблей и авианосной авиации. Однако начальник английского морского штаба адмирал Д. Паунд не хотел рисковать крупными кораблями. Он запретил эскадре Тови заходить восточнее Медвежьего острова. Узнав о выходе в море «Тирпица», Паунд приказал силам прикрытия отойти на запад. Гамильтон перестарался и отозвал корабли непосредственного охранения конвоя. Позднее стало известно, что «Тирпиц» с прикрытием был обнаружен английской авиацией и советской подводной лодкой К-21, которая выпустила четыре торпеды. Германское командование приказало эскадре возвращаться. Но конвой оставался без прикрытия. В итоге тихоходные транспорты попали под удары подводных лодок и авиации. Погибло 24 судна. Уменьшить потери удалось лишь после вступления конвоя в зону действия Северного флота. Кузнецов заключил описание гибели конвоя: «Крупные потери транспортов в конвое PQ-17 не раз потом были предметом официальных и частных разговоров. Как я уже отмечал, наши союзники имели все основания не уклоняться от встречи с «Тирпицем» и, если потребуется, принять бой. Во время таких разговоров вспоминались и случаи оставления отдельных транспортов без достаточного прикрытия, имевшие место и в нашем флоте. Конечно, подходя к делу с чисто военной стороны, надо сказать, что обстоятельства иногда заставляют жертвовать отдельными кораблями, как транспортными, так и боевыми, чтобы не понести еще больших потерь. Но нельзя сбрасывать со счетов моральную сторону вопроса. Мы всегда придерживались принципа – не оставлять в беде товарищей по плаванию, особенно если они не вооружены»⁷⁷.

Гибель конвоя PQ-17 вызвала понятное недовольство Сталина, которому Кузнецов доложил, что у англичан не было оснований оставлять конвой без охранения. Черчилль же воспользовался этим эпизодом, чтобы прекратить движение конвоев до осени, и предлагал увеличить поставки через Иран. Однако как раз в это время Советский Союз вел тяжелые бои с наступающими германскими войсками и нуждался в притоке военных материалов. Поэтому 23 июля Сталин заявил в письме Черчиллю протест, он писал о том, что наша страна несет гораздо более тяжелые потери. Черчиллю пришлось реагировать. 31 июля прибыло письмо, в котором премьер-министр сообщал о том, что очередной конвой из 40 судов будет отправлен в начале сентября, но предупредил о возможных потерях двух третей судов⁷⁸.

⁷⁶ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 250.

⁷⁷ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 255.

⁷⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во

Конвой PQ-18 вышел из Исландии только 7 сентября. В английской зоне обеспечения он потерял 13 транспортов, в советской – только 1. Тем не менее британское адмиралтейство отказалось посылать конвои, и по предложению советского командования перевозки производили одиночные транспорты, шедшие без охранения. С октября 1942 по февраль 1943 года из 40 одиночных судов погибло 6 союзных и 4 советских транспорта⁷⁹.

В конце 1942 года Кузнецов получил разрешение вновь побывать на Северном флоте. Он увидел, что флот основательно приготовился к борьбе с неприятелем. Командные пункты укрыли в скалах. Скалы служили маскировкой и некоторой защитой стоявшим у них кораблям. Полярная ночь способствовала проводке конвоев. Однако льды в Архангельске и неприятельские бомбардировки с воздуха Мурманска затрудняли разгрузку судов. В годы войны потребовалось организовать и конвойную службу для судов, переходивших из порта в порт у северных берегов Советского Союза. Перевозками в Арктике руководил уполномоченный Государственного Комитета Обороны и начальник Главсевморпути контр-адмирал И.Д. Папанин, известный полярник. Он не раз обращался за помощью к флоту. К весне 1942 года Беломорскую флотилию пополнили кораблями; для проводки судов в Карском море существовал отряд Карского моря из кораблей, береговых батарей и самолетов. Уже в начале войны Папанин просил у Кузнецова несколько пушек для защиты острова Диксон. В 1942 году эти пушкигодились.

24 августа старший офицер английской военной миссии в Архангельске сообщил, что германский линейный корабль («карманный линкор») «Адмирал Шеер» вышел из Норвегии в неизвестном направлении. Позднее выяснили, что командование противника решило нанести удар по советским конвоям в Карском море. Гитлеровцы рассчитывали уничтожить несколько транспортов с ценными грузами и весь ледокольный флот. Операция «Вундерланд» началась с выхода в море подводных лодок, за ними последовал 16 августа линкор. Он прошел в Карское море. Перехватить конвой, шедший с востока, не удалось. Тогда командир «Адмирала Шеера» решил истребить суда в проливе Вилькицкого. Однако 25 августа линкор столкнулся в море с ледокольным пароходом «Сибиряков». «Адмирал Шеер» быстро потопил пароход, пытавшийся сопротивляться, но радист успел сообщить на Диксон, что его преследует военный корабль. Сразу же в боевую готовность привели все базы в Арктике. Когда германский линкор появился перед Диксоном, его встретили огнем береговое орудие и малые пушки сторожевого корабля «Дежнев». Получив несколько попаданий, немцы отказались от высадки десанта и вернулись в базу. Операция «Вундерланд» провалилась: неприятелю не удалось прервать движение по Северному морскому пути и даже нанести заметный ущерб. Больше потерь нанесли минные постановки противника, проведенные в 1942 году у Кольского залива, в Белом море, на подступах к Архангельску и в Арктике. В первый период войны было потеряно в Арктике 7 транспортов, 7 кораблей охранения и 10 вспомогательных судов. Но принятые меры позволили не допустить более значительных потерь⁸⁰.

На Балтике в 1942 году флот содействовал сухопутным войскам в обороне Ленинграда. Кузнецов вспоминал, что корабельная артиллерия и береговые батареи из морских орудий, в том числе и снятые с крейсера «Аврора» пушки, прикрывали город с суши, зенитная артиллерия и истребители – с воздуха. Много моряков воевало на суше. Главным образом моряки при поддержке артиллерии флота удерживали Ораниенбаумский плацдарм, с которого позднее началось освобождение города.

время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. С. 67–69.

⁷⁹ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 256–257.

⁸⁰ Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 265–270.

Гитлеровцы постарались запереть и уничтожить Балтийский флот. Весной 1942 года несколько авиационных налетов германской авиации на Кронштадт и Ленинград имели целью именно боевые корабли. Однако потери оказались сравнительно невелики, и большая часть кораблей продолжала действовать в целях обороны города. Не сыграли в полной мере в 1942 году свою роль и минные заграждения в Финском заливе, и минные постановки перед Кронштадтом с самолетов. Подводные лодки летом 1942 года с потерями, но прорывались сквозь минные заграждения в воды Балтийского моря. Немецкое командование недоумевало, какие подлодки топят его суда, пока не выяснилось, что подводники выходят из Кронштадта. Ущерб неприятельскому судоходству наносила и авиация Балтийского флота; бомбардировщики и торпедоносцы сделали тысячи вылетов в «крейсерство», уничтожая транспорты⁸¹.

Азовская флотилия в 1942 году главным образом содействовала сухопутным войскам на берегах Азовского моря, участвовала в Керченско-Феодосийской операции. После потери Крыма и продвижения неприятеля на юг к концу августа флотилия покинула Азовское море, и ее силы подкрепили Черноморский флот в борьбе за Кавказ.

Ладожская флотилия зимой 1941/42 года готовилась к весенней навигации, которая началась в мае и продолжалась до января 1943 года. За навигацию флотилия перевезла по воде более миллиона человек и 1 миллион 690 тысяч тонн грузов. Ладожская трасса оказалась настолько важна для существования блокированного города, что гитлеровцы сбрасывали на суда тысячи бомб, а осенью даже попробовали прервать перевозки с помощью надводных сил. 22 октября свыше 20 судов, вооруженных пушками и пулеметами, направились к острову Сухо, прикрывавшему восточную часть трассы. Однако огонь защитников острова, удары авиации и кораблей флотилии привели к разгрому неприятельской попытки захватить остров. Когда 8 ноября Кузнецов вновь вылетел в Ленинград, он рассматривал полузатопленные суда – трофеи боя у Сухо. Далее противник не предпринимал таких серьезных попыток помешать перевозкам по Ладожскому озеру⁸².

Сформированная в 1941 году Онежская флотилия на зиму была уведена на восток, на Волгу. В апреле 1942 года для поддержки сухопутных войск был сформирован Онежский отряд кораблей; он успешно действовал и к концу года был переформирован в Онежскую военную флотилию.

Особая задача выпала в 1942 году Волжской военной флотилии. Летом 1941 года Наркомат ВМФ создал на Волге учебный отряд для подготовки моряков. В октябре, когда шли бои за Москву, отряд преобразовали в военную флотилию. Весной 1942 года одним из основных направлений гитлеровского наступления стал Сталинград. Неприятель намеревался перерезать пути доставки нефти и горючего с Каспийского моря для нужд страны и фронта. Флотилия в дни Сталинградской битвы обеспечивала военные перевозки, несмотря на то что в июле германская авиация начала минирование реки. Для борьбы с электромагнитными донными минами потребовалось срочно переоборудовать суда в тральщики. Было развернуто 500 постов наблюдения за сбрасываемыми минами, суда усиленно проводили траление. Волжане продолжали перевозки, несмотря на потерю 60 судов от авиации и 20 – от мин. Только помощь авиации флота помогла отбивать налеты противника с воздуха. Когда неприятель приблизился к Сталинграду, в августе-сентябре 1942 года флотилия главные силы направила на поддержку сухопутных войск. Моряки взаимодействовали с защитниками города, поддерживали их огнем артиллерии. Опаснейшим делом являлась перевозка войск и грузов через Волгу в осажденный Сталинград. Этим занимались под огнем и боевые корабли, и суда Волжского речного пароходства. За время Сталинградской битвы волгари перебросили на плацдарм свыше 100 тысяч солдат и офицеров, необходимые грузы и вывезли тысячи раненых. В частности, когда шли

⁸¹ Там же. С. 281–284.

⁸² Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. С. 286–288.

бои за центр города, флотилия на боевых кораблях за две ночи перевезла через реку 13-ю гвардейскую дивизию генерала А.И. Родимцева. Моряки несли большие потери (на бронекатерах до 65 процентов), но продолжали выполнять боевую задачу. В боях под Сталинградом впервые применили с бронекатеров «катюши». На суше воевали морские стрелковые бригады, присланные с разных флотов.

Так как обстановка на Тихом океане в 1942 году оставалась относительно спокойной, часть сил флота использовали для нужд фронта. Несколько морских бригад, укомплектованных тихоокеанцами, сражались при обороне Москвы и на других участках. В 1942 году с Тихоокеанского флота были направлены на Северный шесть подводных лодок. Им предстояло пересечь Тихий океан, через Панамский канал пройти в Атлантический океан и дальше следовать в Полярный. Лодки прошли 17 тысяч миль. Это был самый длительный поход советских подводных лодок. Л-16 погибла, торпедированная неизвестной подводной лодкой. Остальные в январе-июне 1943 года прибыли на Северный флот и заметно усилили его возможности.

Кузнецов координировал действия флотов. Особенное внимание он обращал на взаимодействие с сухопутными войсками. По указанию наркома Главный морской штаб в 1942 году при содействии специалистов Генштаба разработал Инструкцию по организации связи взаимодействия войск Красной Армии с кораблями, соединениями и частями Военно-Морского Флота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.